

ГОД ПОТОПА

МАРГАРЕТ
ЭТВУД

ЭТВУД РАССКАЗАЛА НАМ О НАС САМОЙ.
THE INDEPENDENT

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР ЧИТАЕТ ВСЬ МИР

Интеллектуальный бестселлер

Маргарет Этвуд

Год потопа

«ЭКСМО»

2009

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

Этвуд М.

Год потопа / М. Этвуд — «Эксмо»,
2009 — (Интеллектуальный бестселлер)

Книги Маргарет Этвуд неизменно отличаются поразительной оригинальностью и глубиной. Они неоднократно были отмечены престижными литературными наградами, в числе которых Букеровская премия (за «Слепого убийцу»), Премия Артура Кларка (за «Рассказ Служанки»), Литературная премия генерал-губернатора Канады, итальянская «Премия монделло» и другие. «Год потопа» – это амбициозная панорама мира, стоявшего на грани рукотворной катастрофы и шагнувшего за эту грань; мира, где правит бал всемогущая генная инженерия, и лишь вертоградари в своем саду пытаются сохранить многообразие живой природы; мира, в котором девушке-меховушке прямая дорога в ночной клуб «Чешуйки» – излюбленное злачное заведение как крутых ребят из Отстойника, так и воротил из охраняемых поселков Корпораций.

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

© Этвуд М., 2009
© Эксмо, 2009

Содержание

Год потопа	6
День Творения	10
Праздник Адама и всех Приматов	31
Праздник Ковчегов	51
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Маргарет Этвуд

Год потопа

Margaret Atwood
YEAR OF THE FLOOD

Copyright © 2009 by O. W. Toad, Ltd

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency LLC.

© Боровикова Т., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Посвящается Грэму и Джесс

Сад

Я видел дивный райский сад,
Зеленый вертоград;
Там дивные плоды росли,
Бананы, виноград;

Привольно Божьим тварям там
И плавать, и летать,
Но ах! Погибли все они
И не придут опять.

И все деревья, что росли,
Давая нам плоды,
Теперь песком занесены,
И высохли пруды,

И птицы райские уже
Замолкли, не поют,
И рыбам в грязной той воде
Уж не найти приют.

Но не забудем мы тебя,
О дивный райский сад,
И вертоградари придут,
Тебя возобновят.¹

¹ Из «Книги гимнов вертоградяря». Перевод Т. Боровиковой.

Год потопа

1

Тоби

Год двадцать пятый, год потопа

Ранним утром Тоби поднимается на крышу – наблюдать восход. Она опирается на палку от щетки: лифт давно уже не работает, а задняя лестница склизкая от сырости, так что если Тоби поскользнется и упадет, подобрать ее будет некому.

Приходит первая волна зноя, и дымка поднимается из полосы деревьев, отделяющих Тоби от допотопного города. Слабо пахнет горелым – карамелью, смолой, протухшим жареным мясом, пепельно-сальным ароматом горелой помойки, сбрызнутой дождем. Брошенные башни вдали – словно кораллы древнего рифа: белесые, выцветшие, безжизненные.

Хотя какая-то жизнь еще сохранилась. Чирикают птички: воробьи, должно быть. Ясные, резкие голосишки – как гвоздем по стеклу; шум машин их больше не заглушает. Замечают ли сами птицы эту тишину, отсутствие моторов? А если да – стали ли они счастливей? Тоби понятия не имеет. В отличие от других вертоградарей – среди них попадались такие, с безумными глазами или наркоманы, – Тоби никогда не считала, что может разговаривать с птицами.

Солнце на востоке все ярче, оно окрашивает алым серо-голубую дымку над далеким океаном. Грифы, примостившись на электрических столбах, расправляют крылья, чтобы посушить их, – раскрываются, как черные зонтики. Один за другим они взмывают на восходящих воздушных течениях и по спирали поднимаются вверх. Если гриф камнем бросился вниз – значит, завидел падаль.

«Грифы – наши друзья, – учили когда-то вертоградари. – Они очищают землю. Они необходимы, они – посланные Господом черные ангелы плотского разложения. Представьте себе, как ужасно было бы, если бы не было смерти!»

«Интересно, верю ли я в это по-прежнему?» – думает Тоби.

Вблизи все выглядит иначе.

На крыше есть несколько ящиков с декоративными растениями, которые уже давно разрослись как попало, и несколько скамеек из пластмассы под дерево. Раньше был еще навес от солнца, для приемов с коктейлями, но его давно унесло ветром. Тоби садится на скамью и начинает рекогносцировку. Она подносит к глазам бинокль и ведет им слева направо. Дорожка, обсаженная люмирозами – они стали неопрятны, как облезлые щетки для волос, а сейчас их пурпурное свечение меркнет в крепнушем свете дня. Западные ворота, отделанные розовой солнечнокожей под штукатурку, за воротами – переплетение машин.

Цветочные клумбы, задушенные чертополохом и лопухами. Над ними порхают огромные аквамариновые мотыльки кудзу. Фонтаны – их чаши в форме раковин полны застоявшейся дождевой воды. Стоянка для машин – там брошена розовая тележка для гольфа и два розовых фургона с подмигивающим глазом, логотипом салона красоты «НоваТы». Дальше стоит еще один фургон, врезавшийся в дерево; раньше из окна свисала рука, теперь ее больше нет.

Просторные лужайки заросли высокими сорняками. В зарослях молочая, астр и щавеля вздымаются неровные длинные бугры: там и сям виднеются клоки материи, кое-где блестит голая кость. Здесь падали люди – те, кто бежал или брел, шатаясь, по газону. Тоби видела

это с крыши, скрючившись за ящиком с цветами, но долго смотреть не стала. Кое-кто из них звал на помощь – словно знал, что она там. Но она все равно ничего не могла бы сделать.

Бассейн покрылся пестрым одеялом из водорослей. Там уже завелись лягушки. Цапли и журавлины ловят их на мелком конце бассейна. Одно время Тоби пыталась выуживать оттуда утонувших мелких зверьков. Светящихся зеленых кроликов, крыс, скунотов с полосатыми хвостами, в черных бандитских масках. Но теперь бросила это занятие. Может, от них в бассейне как-то заведется рыба. Когда он станет больше похож на болото.

Неужели она собирается есть эту теоретическую будущую рыбу? Никогда.

Во всяком случае, не сейчас.

Она обращает бинокль на темную полукруглую стену деревьев, лиан, разросшихся кустов, вглядывается в нее. Именно оттуда может прийти опасность. Но какая? Тоби не может себе представить.

Ночью слышны обычные звуки: далекий лай собак, писк мышей, стрекотание сверчков – будто вода шумит в водосточной трубе, редкое басистое кваканье жаб. Кровь шумит в ушах: «та-дыш, та-дыш, та-дыш». Словно тяжелая метла заметает сухие листья.

– Иди спать, – вслух говорит она.

Но она плохо спит с тех пор, как осталась одна в здании. Иногда она слышит голоса – человеческие, страдающие, зовущие на помощь. Или голоса женщин, которые здесь когда-то работали, и беспокойных клиенток, ищущих отдыха и омоложения. Они плескались в бассейне, гуляли по траве. Розовые безмятежные голоса, навевающие покой.

Или голоса вертоградарей бормочут или поют; или дети смеются хором, высоко на крыше, в саду «Райский утес». Адам Первый, Нуэла, Бэрт. Старая Пилар среди своих пчел. И Зеб. Если кто из них и выжил, это наверняка Зеб. Он может появиться в любой момент: покажется на дорожке, ведущей к дому, или шагнет из кустов.

Скорее всего, он уже мертв. Лучше так думать. Чтобы не надеяться зря.

Хотя кто-то ведь должен был остаться; не может быть, что она – единственный человек на планете. Должны быть другие. Но кто они – друзья или враги? И как отличить, если она увидит кого-нибудь?

Она готова. Двери заперты, окна забиты. Но даже это ничего не гарантирует: каждое пустое пространство приглашает захватчиков.

Даже во сне она прислушивается, как зверь, – вдруг нарушится привычный рисунок, раздастся незнакомый звук, тишина вскроется, как трещина в скале.

«Если мелкие создания замолкли, – говорил когда-то Адам Первый, – это значит: они чего-то боятся. Прислушивайся к звукам их страха».

2

Рен

Год двадцать пятый, год потопа

«Берегись слов. Думай, что пишешь. Не оставляй следов».

Так учили вертоградари, когда я жила среди них ребенком. Они учили нас полагаться на память, потому что ничему записанному доверять нельзя. Дух переходит из уст в уста, а не от вещи к вещи; книги горят, бумага истлевает, компьютеры можно уничтожить. Лишь Дух живет вечно, а Дух – не вещь.

А что до писем, все Адамы и Евы говорили, что писать – опасно, потому что враги могут выследить тебя через написанное тобою, взять в плен и использовать твои слова против тебя.

Но теперь, когда пришел Безводный потоп, можно писать спокойно: те, кто мог использовать написанное против меня, уже, скорее всего, мертвы. Пиши что хочешь.

И вот я пишу свое имя карандашом для подводки бровей на стене рядом с зеркалом. Я уже много раз его написала. «Ренренрен» – словно песня. Если человек слишком долго остается один, он может забыть, кто он. Аманда мне говорила.

Я ничего не вижу в окно – оно из стеклоблоков. Я не могу выйти через дверь, она заперта снаружи. Но у меня все еще есть воздух и вода, пока не откажут солнечные батареи. И еда.

Мне повезло. На самом деле мне очень повезло. Считай свои удачи, говорила Аманда. И вот я начинаю считать. Раз: мне повезло, что, когда пришел потоп, я работала тут, в «Чешуйках». Два: еще больше мне повезло, что меня заперли в изоляторе, или «липкой зоне», потому что здесь я оказалась в безопасности. У меня порвалась биопленка-скафандр: клиент увлекся и укусил меня, прямо сквозь зеленые чешуйчатые блестки. И я ждала результатов анализов. Я не очень беспокоилась: разрыв не мокрый, а сухой, кожный покров цел, никаких выделений внутрь не попало, просто пленка порвалась у локтя. Но в «Чешуйках» всегда проверяли все досконально. Они заботились о своей репутации: у нас была слава «самых чистых грязных девочек в городе».

Здесь, в клубе «Хвост-чешуя», всегда заботились о сотрудниках, по правде. О квалифицированных, то есть. Хорошая еда, при необходимости – врач, отличные чаевые, потому что сюда приходили люди из лучших корпораций. Клуб хорошо управлялся, хотя и находился не в самом лучшем районе города, как и все остальные клубы. Это вопрос имиджа, говорил, бывало, Мордис: сомнительный квартал – это хорошо для бизнеса, потому что у нашего продукта должен быть особый привкус: порочный, крикливый блеск, сомнительный душок. Что-то должно отличать нас от простецкого товара, какой клиент может и дома получить: в трикотажных трусах и со слоем крема на физиономии.

Мордис любил говорить прямо. Он крутился в этом бизнесе с детства, а когда приняли законы против сутенеров и уличной проституции – власти говорили, что это в интересах общественного здоровья и безопасности женщин, – все ремесло подмял под себя «Сексторг» под контролем ККБ, Корпорации корпоративной безопасности. И Мордис перескочил туда, воспользовавшись своими связями.

«Тут важно, кого ты знаешь, – говорил он, бывало. – И что именно ты о них знаешь».

Тут он ухмылялся и хлопал собеседницу по задку – но чисто по-дружески: он никогда сам не пользовался своим товаром. У него были четкие понятия.

Он был жилистый, с бритой головой и черными блестящими живыми глазками, похожими на муравьиные головки. Он был покладист, пока все шло хорошо. Но умел за нас постоять, если вдруг клиент начинал бузить.

«Я никому не позволю обижать моих девочек», – говорил он. Для него это был вопрос чести.

И еще он не любил зря переводить товар: он, бывало, говорил, что мы – ценные активы. Сливки сливок. После захвата рынка корпорацией «Сексторг» все, что осталось вне системы, было незаконно и к тому же выглядело жалко. Горстка больных старух, которые таскались по темным проулкам, едва ли не попрошайничая. Ни один мужчина, который хоть что-то соображает, к ним и близко не подошел бы. В «Чешуйках» мы называли таких «опасные отходы». Конечно, нам не следовало задирать нос; мы могли бы проявить сострадание. Но сострадание требует труда, а мы были молоды.

В ночь, когда пришел Безводный потоп, я ждала результатов своих анализов; в таких случаях нас запирали в «липкой зоне» на несколько недель: вдруг у нас окажется что-то заразное? Еду передавали снаружи через герметизированный шлюз, и к тому же внутри был

холодильник с разными снеками, и вода фильтровалась как на входе, так и на выходе. Здесь было все, что нужно человеку, но в конце концов становилось скучно. Можно было упражняться на тренажерах, и я этим занималась подолгу, ведь танцовщице нужно держать себя в форме.

Можно было смотреть телевизор или старые фильмы, слушать музыку, говорить по телефону. Или заглядывать в разные комнаты «Чешуек» по видеоинтеркому. Иногда в разгаре сеанса с клиентом мы смеха ради подмигивали в камеру, не переставая стонать, – чтобы подбодрить коллегу, застрявшую в «липкой зоне». Мы знали, где спрятаны камеры, – за украшениями из змеиной кожи или перышек на потолке. В «Чешуйках» мы были как одна большая семья, и Мордису нравилось, когда сотрудницы, сидящие в «липкой зоне», делали вид, что по-прежнему участвуют в жизни клуба.

С Мордисом мне было так спокойно. Я знала: если у меня стрясется большая беда, я могу прийти к нему. В моей жизни было очень мало таких людей. Аманда – почти всю мою жизнь. Зеб – иногда. И Тоби. Может, вы не ожидали услышать такое про Тоби – очень уж она жесткая и неподатливая, – но когда тонешь, хвататься за мягкое и податливое без толку. Нужно что-нибудь твердое.

День Творения

День Творения

Год пятый

О ТВОРЕНИИ И О НАРЕКАНИИ ИМЕН ЖИВОТНЫМ

Говорит Адам Первый

Дорогие друзья, дорогие собраты-создания, дорогие братья-млекопитающие!

В День Творения пять лет назад на месте этого сада на крыше «Райский утес» была раскаленная пустыня, окруженная гниющими городскими трущобами и вместилищами греха, но ныне этот сад расцвел подобно розе.

Покрывая безжизненные крыши зеленой растительностью, мы делаем посильную малость, чтобы искупить Божье Творение, спасти его от тлена и мерзости запустения, обступившей нас, да к тому же еще и обеспечиваем себя чистой, незагрязненной едой. Иные скажут, что наши усилия тщетны, но если бы все последовали нашему примеру, как преобразился бы лик нашей возлюбленной планеты! Нам предстоит еще немало тяжелого труда, но не страшитесь, друзья мои, ибо мы смело устремимся вперед.

Я рад, что никто из нас не забыл надеть шляпы от солнца.

А теперь обратим наши молитвенные помыслы к ежегодному празднику Дня Творения.

Человеческое Слово Господа повествует о Творении в выражениях, доступных для людей прошлого. Господь не мог упомянуть о галактиках или генах, ибо это весьма сильно смутило бы наших праотцев! Но должны ли мы в таком случае принимать как научный факт историю о том, что мир был создан за шесть дней, пренебрегая данными научных наблюдений? Господь не укладывается в узкие, буквальные, материалистические интерпретации, Его нельзя мерить человеческими мерками, ибо каждый Его день – эпоха, и тысяча веков нашего времени для Него все равно что один вечер. Мы, в отличие от некоторых других религий, никогда не считали возможным лгать детям насчет геологии.

Вспомните, как начинается Человеческое Слово Господа: земля была безвидна и пуста, а затем Господь сказал: «Да будет свет!» И стал свет. Именно этот момент наука весьма непочтительно называет Большим взрывом. Однако Писание и наука согласны между собой: сначала была тьма; потом, во мгновение ока, стал свет. Но конечно, Сотворение мира еще не окончено: разве не рождаются ежеминутно новые звезды? Дни Бога идут не последовательно, друзья мои: они идут параллельно, первый – с третьим, четвертый – с шестым. Ибо сказано: «пошлешь дух Твой – создаются, и Ты обновляешь лице земли»².

Сказано, что на пятый день трудов Господа по Сотворению мира вода произвела пресмыкающихся и рыб, а на шестой день Он создал животных, населивших сушу, а также траву и деревья. И всех их благословил и заповедал плодиться и размножаться; и, наконец, был создан Адам – то есть человечество. Наука утверждает, что биологические виды действительно появились на Земле именно в этом порядке, и человек был последним. Приблизительно в этом порядке. Примерно так.

Что же было потом? Господь привел животных к Адаму, «чтобы видеть, как он назовет их»³. Но разве Господь не знал заранее, какие имена даст Адам животным? Ответ может быть только один: Господь наделил Адама свободной волей, поэтому Адам мог совершать поступки, которые даже Бог не предвидит заранее. Подумайте об этом в следующий раз,

² Пс. 103:30. (Здесь и далее прим. перев.)

³ Быт. 2:19.

когда будете искушаться мясоядением или материальными благами! Даже Господь не всегда знает, что вы сделаете через минуту!

Господь побудил животных собраться, воззвав к ним, но на каком же языке Он говорил? Не на древнееврейском, друзья мои. Не на латыни, не по-гречески, не по-английски и не по-французски, не по-арабски, не по-китайски. Нет! Он позвал каждое животное на его собственном языке. К оленю он обратился на оленьем языке; к пауку – по-паучьи; к слону – по-слоновьи, к блохе – по-блошиному, к сороконожке – по-сороконожки, а к муравью – по-муравьиному. Наверняка это было именно так.

Что же до самого Адама, то названные им имена животных стали первыми словами, которые он произнес. В этот момент родился человеческий язык. В это космическое мгновение Адам вступил во владение своей человеческой душой. Назвать другого по имени означает, как мы надеемся, приветствовать его, привлечь его к себе. Представим же себе, как Адам перечисляет имена животных с любовью и радостью, словно желая сказать: «Вот и ты! Добро пожаловать!» Таким образом, первое деяние Адама по отношению к животным было выражением любви, доброты и родства, ибо человек в своем непадшем состоянии еще не был плотоядным. Животные знали это и не бежали от него. Так, должно быть, происходило все в тот неповторимый день – мирное сборище, на котором Человек с любовью принял каждое живое существо на Земле.

Сколько же мы потеряли, дорогие мои собратья-млекопитающие, собратья-смертные! Сколько же уничтожили намеренно! И сколько же всего нам следует восстановить в себе!

Время нареkania имен еще не кончилось, друзья мои. В очах Господа мы, возможно, все еще живем в шестом дне творения. Когда будете медитировать, представьте, что вы погружены в этот момент защищенности и покоя. Прострите руки к кротким глазам, что взирают на вас с таким доверием – доверием, которое еще не нарушено кровопролитием, обжорством, гордыней и презрением.

Назовите их имена.

Воспоем же.

Господь в Адама жизнь вдохнул

Господь в Адама жизнь вдохнул
В своем златом саду,
Там жили птицы и зверье
У Бога на виду.
Существ живых позвал Господь –
Прийти и встать с ним рядом,
Чтоб имена Адам нарек –
Животным, птицам, гадам.
И вот рождаются слова,
Что обратятся в Вечность,
Из уст живого Существа
С душою Человечьей.

Да, жили славно, без помех,
В Эдеме Божьи Твари...
Но почему же Человек
Был столь неблагодарен?
Зачем нарушил он обет
С Природой жить во Братстве?
Он убивал, сводил на нет
И вечно жаждал Власти.
О те, кого с лица Земли
Бездумно извели мы,
Простите нас... Когда б могли –
Они бы нас простили⁴.

3

Тоби. День подокарповых⁵

Год двадцать пятый

Занимается заря. Тоби вертит в голове эти слова: заря занимается. Чем, собственно, занимается заря? Прогоняет ночь? Выкатывает на небо солнце, разливая по земле его свет?

Тоби поднимает бинокль. Деревья выглядят невинно, обычно. Но Тоби кажется, что на нее кто-то смотрит: словно даже самые неподвижные камни и пни следят за ней, желая зла.

Это от одиночества. Вертоградари подготовили ее к этим явлениям: тренировали все-нощными бдениями, пребыванием в затворе. Плавающий в воздухе оранжевый треугольник, говорящие кузнечики, извивающиеся столбы деревьев, глаза среди листвы. Но все же как отличить иллюзии от настоящего?

⁴ Из «Книги гимнов вертоградяря». Перевод Д. Никоновой.

⁵ Подокарп, или ногоплодник (*лат. Podocarpus*), – род хвойных растений семейства подокарповых.

Солнце уже совсем взошло. Оно стало меньше и горячее. Тоби спускается с крыши, надевает розовую накидку до пят, опрыскивается «Супер-Д» от насекомых и поплотнее натягивает на голову розовую шляпу от солнца. Затем отпирает парадную дверь и идет заниматься огородом. Здесь они растили ингредиенты для органических салатов, которые подавали посетительницам в кафе при салоне красоты. Зелень для украшения блюд, экзотические овощи – продукты генной инженерии, травяные чаи. Над садом натянута сетка от птиц, а вокруг – забор из железной сетки от зеленых кроликов, рыськов и скунотов, забредающих из парка. До потопа их было немного, но сейчас они размножаются с невероятной скоростью.

Тоби всерьез надеется на огород: запасы еды в кладовой уже подходят к концу. Много лет Тоби копила продукты именно на такой случай, но не рассчитала: соевые гранулы и сойдины уже кончаются. К счастью, в огороде все растет хорошо: кургорох завязывает стручки, бобананы зацвели, кусты полигод усыпаны мелкими бурыми комочками разных форм и размеров. Тоби срывает пучок шпината, стряхивает с него мелких блестящих зеленых жучков и давит их ногами. И тут же раскаивается. Она делает в земле ямку большим пальцем, хоронит жучков и произносит над могилой слова, освобождающие душу, испрашивающие прощения. Хотя ее никто не видит, от таких привычек нелегко избавиться.

Она пересаживает в другие места несколько улиток и слизняков, выдергивает сорняки, но лебеду не трогает: ее можно потушить и съесть. На кружевной зелени моркови Тоби находит двух ярко-голубых гусениц кудзу. Их создали, чтобы они ели вездесущий сорняк кудзу, но они, по-видимому, предпочитают огородные овощи. Как часто бывало в первые годы популярности сплайсинга, дизайнер пошутил: снабдил гусениц младенческими личиками с большими глазами и счастливой улыбкой на том конце, где находится голова. Поэтому у людей с трудом поднимается рука убить гусеницу кудзу. Тоби снимает гусениц с морковки – челюсти под хорошенькими пухленькими личиками яростно работают, – поднимает край сетки и швыряет гусениц через забор. Она даже не сомневается, что они вернутся.

На пути домой Тоби находит у дорожки собачий хвост. Судя по всему, от ирландского сеттера. Длинная шерсть свалилась и облеплена репьями. Скорее всего, это гриф уронил: они вечно что-нибудь роняют. Тоби старается не думать о том, что роняли грифы в первые недели после потопа. Хуже всего были пальцы.

Ее собственные кисти утолщаются, грубеют – пальцы неуклюжие, побуревшие, как корни. Она слишком много копает.

4

Тоби

День святого Башира Алуза

Тоби моется рано утром, когда еще не слишком жарко. Она держит на крыше ведра и тазы, чтобы собирать дождевую воду от послеобеденных гроз; у салона красоты свой колодец, но система солнечных батарей сломана, так что насосы не работают. Стирает Тоби тоже на крыше, а для просушки раскладывает одежду на скамьях. Мыльную воду она использует для смыва в туалете.

Тоби намыливается – мыла еще очень много, все оно розовое – и стирает пену губкой. Мое тело съеживается, думает она. Я сморщиваюсь, уменьшаюсь. Скоро от меня вообще ничего не останется, одни заусеницы. Хотя я никогда не была толстой. «Ах, Тобита, – говорили, бывало, клиентки, – мне бы твою фигуру!»

Она вытирается и надевает розовый халатик. У этого на кармане вышито «Мелоди». Сейчас нет смысла носить этикетки, их все равно некому читать, так что она пользуется и чужими халатами: «Анита», «Кинтана», «Рен», «Кармела», «Симфония». Эти девочки

были так жизнерадостны, так полны надежд. Кроме Рен: та всегда была печальна. Но она ушла раньше.

Потом, когда пришла беда, ушли все. По домам, к семьям, веря, что любовь их спасет.
– Идите, я тут все запру, – сказала им Тоби.
И заперла. Но сама осталась внутри.

Тоби расчесывает длинные темные волосы, скручивает в мокрый пучок. Правда надо подстричься. От густых волос слишком жарко. К тому же от них пахнет овчиной.

Тоби сушит волосы, и до нее доносится странный звук. Она осторожно подходит к ограждению крыши. У бассейна роют землю три огромные свиньи – две свиноматки и хряк. Пухлые розовато-серые бока сияют в утренних лучах; свиньи блестят, как борцы. Они какие-то ненормально крупные, словно раздутые. Тоби и раньше видела таких свиней на лужайках, но они еще ни разу не подходили близко. Должно быть, сбежали с какой-нибудь экспериментальной фермы.

Они собрались в кучку у мелкого конца бассейна, смотрят на него, словно думают о чем-то, подергивая пяточками. Может, нюхаютдохлого скунота, плавающего на поверхности мутной воды. Неужели попробуют достать? Свиньи тихо перехрюкиваются между собой, потом отходят подальше: должно быть, скунот слишком разложился, несъедобен даже для них. Они замирают, нюхают воздух в последний раз, потом трусцой направляются за угол здания.

Тоби переходит на другое место, чтобы их видеть. Они нашли забор, которым обнесен огород. Заглядывают внутрь. Потом одна свинья начинает копать. Они прокопают под сеткой.

– Пошли вон! – кричит Тоби.

Они бросают один взгляд вверх и тут же забывают про нее.

Она несется вниз по лестнице – как можно быстрее, но так, чтобы не поскользнуться. Идиотка! Ружье надо держать все время при себе. Она хватает карабин, лежащий у кровати, и несется обратно на крышу. Она видит одну свинью в прицел – это самец, он стоит боком, попасть легко, – но тут же начинает колебаться. Они – Божьи твари. Никогда не убивай без причины, говорил Адам Первый.

– Я вас предупреждаю! – кричит она.

Удивительно, но они, кажется, понимают. Должно быть, видели оружие раньше – пистолет-распылитель, парализатор. Они с испуганным визгом обращаются в бегство. Они уже покрыли четверть расстояния до леса, и тут Тоби соображает, что они вернутся. Придут ночью, подкопают за пару минут и сожрут весь огород, и конец всем ее долговременным снабженческим планам. Придется их застрелить. Это самозащита. Тоби жмет на спусковой крючок, промахивается, стреляет снова. Хряк падает. Свиноматки бегут дальше. Только у края леса оборачиваются. Потом исчезают меж деревьев.

У Тоби дрожат руки. Ты погасила чужую жизнь, говорит она себе. Ты действовала необдуманно, в гневе. Ты должна испытывать вину. Но все же ей хочется выйти с кухонным ножом и отрезать окорок. Когда Тоби пришла к вертоградарям, она дала обет не есть мяса, но сейчас ей является соблазнительный образ сэндвича с беконом. Тоби сопротивляется: животный белок – это на самый крайний случай, если другого выхода не будет. Она бормочет традиционную формулу вертоградарей, испрашивающую прощение, хотя и не чувствует себя виноватой. Во всяком случае, не особенно виноватой.

Ей нужно тренировать меткость. Стреляла в кабана, промахнулась, упустила свиноматок – это никуда не годится.

Что касается карабина, то в последние недели она несколько расслабилась. Тоби мысленно клянется, что теперь будет все время носить его с собой – даже когда идет на крышу мыться, даже в туалет. Даже в огород – особенно в огород. Свиньи – умные твари, они про нее не забудут и не простят. Нужно ли запираť дверь, выходя наружу? Что, если понадобится срочно укрыться в здании? Но если оставить дверь незапертой, вдруг кто-нибудь – человек или зверь – проскользнет в дом, пока Тоби работает в огороде, и устроит на нее засаду?

Нужно все как следует продумать. «Арарат без стен – не Арарат совсем, – скандировали, бывало, дети вертоградарей. – Если стену не защищать, можно и строить не начинать». Вертоградари обожали укладывать нравоучительные сентенции в стихи.

5

Тоби отправилась за карабином через несколько дней после первых вспышек. В ночь, когда девочки сбежали из «НоваТы», побросав розовые халатики.

Это была не обычная пандемия: ту остановили бы после пары сотен тысяч смертей, а потом уничтожили бы биоинженерными средствами и хлоркой. Это был тот самый Безводный потоп, который так часто пророчили вертоградари. Все знаки были налицо: он несся по воздуху, словно на крыльях, он прожигал города насквозь, как огонь, он гнал во все стороны заразные толпы, сеял ужас и зверства. Свет гас повсюду, новости доходили урывками: системы отказывали, управляющие ими люди погибали. Похоже было, что близится тотальный коллапс, поэтому Тоби нужен был карабин. Владеть оружием было противозаконно, и еще неделю назад попасться с ружьем означало, что тебе конец. Но сейчас законы уже не действовали.

Поездка будет опасной. Тоби придется пешком дойти до своего старого плебсвилля – общественный транспорт не работает – и найти обшарпанный домик, который так недолго принадлежал ее родителям. И выкопать карабин, надеясь, что никто не поймаť ее за этим занятием.

Пройти такое расстояние Тоби могла: она держала себя в форме. Проблема – другие люди. Беспорядки были везде, судя по обрывкам новостей, еще доходившим Тоби на телефон.

Она вышла из «НоваТы» в сумерках, заперев за собою дверь. Пересекла просторные лужайки и пошла к северным воротам по лесной тропе, где когда-то прогуливались в тени клиентки: Тоби надеялась, что здесь ее не заметят. Прожекторы, установленные вдоль дорожки, кое-где еще светили. Тоби никого не встретила, только зеленый кролик прыгнул в кусты при ее приближении, да рысек выскочил на тропу, глядя на нее сверкающими глазами.

Ворота оказались приоткрыты. Тоби осторожно протиснулась в щель, почти ожидая окрика. Потом пустилась в путь по Парку Наследия. Мимо спешили люди – поодиночке и группами, торопясь покинуть город, пробраться через распolzшееся кольцо плебсвиллей и найти убежище в сельской местности. Кто-то закашлялся, закричал ребенок. Тоби едва не споткнулась о тело, лежащее на земле.

Когда она дошла до выхода из парка, уже совсем стемнело. Тоби перебегала от дерева к дереву вдоль границы парка, стараясь держаться в тени. Бульвар был забит легковушками, грузовиками, солнциклами и автобусами. Водители гудели и орали. Некоторые машины были перевернуты и горели. В магазинах полным ходом шли грабежи. Людей из ККБ видно не было. Они, должно быть, дезертировали первыми, бросились в свои охраняемые поселки, твердыни корпораций, чтобы спасти свою шкуру. Тоби от всей души надеялась, что смертельный вирус они прихватили с собой.

Послышались выстрелы. Значит, люди уже повыкапывали спрятанное на задних дворах, подумала Тоби. Не у нее же одной карабин.

Дальше по улице оказалась баррикада – сбитые вместе машины. У баррикады были защитники, вооруженные... чем? Насколько могла видеть Тоби – кусками железных труб. Толпа в ярости кричала, швыряя в баррикаду кирпичи и камни. Люди хотели идти дальше, бежать из города. А чего же хотели люди, устроившие баррикаду? Без сомнения, грабить, насиловать. Насилия, денег и других бесполезных вещей.

Когда поднимутся воды Безводного потопа, говаривал Адам Первый, люди бросятся искать спасения. Они будут цепляться за любую соломинку, чтобы остаться на плаву. Берегитесь, друзья мои, чтобы не стать этой соломинкой, ибо, если в вас вцепятся или хотя бы коснутся вас, вы также утонете.

Тоби повернула прочь от баррикады. Придется пойти в обход. Держась в темноте, за кустами и деревьями, она стала двигаться вдоль границы парка. Она дошла до площадки, где раньше вертоградари торговали своими товарами, и саманного домика, в котором когда-то играли дети. Тоби спряталась за домиком, ожидая какого-нибудь отвлекающего эффекта. Действительно, скоро прогремел взрыв, все взгляды обратились в ту сторону, и Тоби поскорее перешла открытую площадку. Лучше не бежать, так учил Зеб: «Убегаешь – жертвой станешь».

На боковых улочках тоже было полно народу. Тоби лавировала, чтобы не сталкиваться с прохожими. На ней были хирургические перчатки, бронежилет из паутины паукозла, свистнутый год назад из будки охранника в «НоваТы», и черный респиратор-клюв. Она захватила лопату и ломик из сарая на огороде. Тем и другим можно убить, если хватит решимости. В кармане у Тоби лежал баллончик лака для волос «НоваТы – полный блеск!» – эффективное оружие, если распылить прямо в глаза. Она многому научилась у Зеба на уроках по «предотвращению кровопролития в городе»: Зеб считал, что в первую очередь следует предотвращать пролитие собственной крови.

Она свернула на северо-восток, пересекла престижный район Папоротниковый Холм и вошла в Большой Ящик, заставленный рядами тесноватых, плохо построенных домиков. Она старалась двигаться по самым узким улицам, слабо освещенным и малолюдным. Ее обогнало несколько прохожих, всецело занятых фактами своей личной биографии. Два подростка замедлили шаг, словно примериваясь, не ограбить ли ее, но она закашлялась и прохрипела: «Помогите!» – и они кинулись прочь.

Около полуночи, несколько раз проскочив нужные повороты, – улицы в Большом Ящике были все похожи одна на другую, – Тоби добралась до бывшего родительского дома. Окна темны, дверь гаража распахнута, окно на фасаде разбито, так что дом, видимо, пуст. Нынешние жильцы погибли или куда-то делись. То же было и с соседним, точно таким же домом. Именно там закопан карабин.

Тоби постояла, успокаиваясь, прислушиваясь к шуму крови в ушах: «та-дыш, та-дыш, та-дыш». Либо карабин на месте, либо нет. Если на месте, значит, у Тоби будет карабин. Если нет, значит, карабина у нее не будет. В любом случае паниковать нечего.

Она тихо, как вор, открыла калитку в сад соседей. Темнота и неподвижность. Запах ночных цветов: лилии, душистый табак. С примесью дыма – что-то горело в нескольких кварталах отсюда: в небе виднелось зарево. Мотылек кудзу на лету задел ее лицо.

Она поддела ломиком каменную плиту вымостки соседского дворика, схватилась за край, перевернула. Еще раз и еще. Три камня. Потом взяла лопату и принялась копать.

Сердце стукнуло раз, другой.

Карабин был на месте.

«Не смей плакать! – приказала Тоби самой себе. – Взрезай пластик, хватай карабин и патроны и давай делай ноги отсюда».

До «НоваТы» она добралась только через три дня – пришлось обходить стороной самые сильные беспорядки. На ступеньках снаружи остались следы грязных ног, но в здание никто не вломился.

6

Карабин – «Рюгер 44/99 Дирфилд» – примитивное оружие. Он принадлежал отцу Тоби. Это отец научил Тоби стрелять, когда ей было двенадцать лет, давным-давно – теперь эти дни кажутся разноцветными глюками в гамме «Техниколор», продуктами для отключки мозга. Целься в середину тела, говорил отец. Не теряй времени на голову. Он говорил, что это он про зверей.

Они жили почти в деревне – до того, как город расплзся и захватил этот кусок земли. Их белый каркасный домик стоял на десяти акрах леса, в котором жили белки и первые зеленые кролики. Но не скуноты – тех еще не сделали. Оленей тоже было много. Они вечно забирались в огород, который возделывала мать. Тоби застрелила пару оленей и помогала их свежевать: она до сих пор помнит этот запах и как скользили блестящие кишки. Семья ела тушеную оленину, а из костей мать варила суп. Но по большей части Тоби с отцом стреляли в консервные банки и в крыс на свалке – тогда поблизости еще была свалка. Тоби много тренировалась, и отец был доволен.

– Отличный выстрел, – говорил он.

Может быть, он хотел сына? Может быть. Но вслух он говорил, что все должны уметь стрелять. Люди его поколения верили: если что-то не так, надо кого-нибудь застрелить, и все будет хорошо.

Потом ККБ запретила огнестрельное оружие в интересах общественной безопасности, а только что изобретенные пистолеты-распылители забрала себе в исключительное пользование, и люди вдруг оказались официально безоружными. Отец зарыл карабин и патроны под кучей старого штaketника и показал Тоби где – на случай, если ей понадобится. ККБ могла бы найти карабин с помощью металлодетекторов – ходили слухи, что она устраивает обыски, – но все и везде она обшарить не могла, а отец, с ее точки зрения, был ничем не подозрителен. Он торговал системами кондиционирования воздуха. Мелкая сошка.

Потом его землю захотел купить застройщик. Он предложил хорошую цену, но отец Тоби отказался продавать. Сказал, что ему и тут хорошо. И мать его поддержала. У нее был магазинчик биодобавок – франшиза «Здравайзера» в торговом центре неподалеку. Они отвергли второе предложение, третье. «Ну так мы обстроим вас кругом», – сказал застройщик. Ну и ладно, ответил отец Тоби – к этому времени он уже пошел на принцип.

Он полагал, что мир не очень изменился за полвека, думает Тоби. Лучше б он был поговорчивее. ККБ уже пробовала силы. Она начала свое существование как частная охранная компания, обслуживающая корпорации, а потом заменила местную полицию, когда та скончалась от недостатка финансирования. Поначалу народ был доволен, потому что за все платили корпорации, но к этому времени ККБ уже тянула щупальца повсюду.

Сперва отец потерял работу в компании, которая торговала кондиционерами. Он нашел другую, продавать окна с терморегуляцией, но там платили меньше. Потом мать слегла со странной болезнью. Она не могла понять, в чем дело, потому что всегда заботилась о своем здоровье: ходила в спортзал, ела достаточно овощей, ежедневно принимала биодобавки – здравайзеровский «Супермощный Вита-вит». Владельцы франшиз вроде нее полу-

чали все биодобавки со скидкой – собственный, индивидуально подобранный пакет, совсем как корпоративные шишки «Здравайзера».

Она принимала все больше биодобавок, но все равно слабела, быстро худела, у нее все путалось в голове. Казалось, ее тело воюет против нее самой. Врачи не могли поставить диагноз, хотя клиника корпорации «Здравайзер» взяла у нее множество анализов; «Здравайзер» принимал участие в ее судьбе, потому что она была верным потребителем продуктов корпорации. Они организовали особое лечение, предоставили своих собственных врачей. Но не бесплатно – даже с учетом скидки, положенной членам «франшизы «Здравайзера» – одной большой семьи», лечение обходилось в кучу денег, а поскольку болезнь была безымянная, скромная медицинская страховка родителей не могла покрыть эти расходы. Страховая компания отказалась платить. А в государственную больницу человека брали, только если у него уж совсем не было денег.

Впрочем, думает Тоби, в эти общественные мертвецкие все равно ни один нормальный человек добровольно не пойдет. Максимум, что там сделают, – попросят показать язык, подарят горсть микробов и вирусов вдобавок к твоим собственным и отправят домой.

Отец Тоби перезаложил дом в банке и все деньги потратил на врачей, лекарства, приходящих медсестер, больницы. Но мать все чахла.

Пришлось продать белый каркасный домик – гораздо дешевле, чем отцу предлагали сначала. На следующий день после подписания документов бульдозеры сровняли дом с землей. Отец купил другой дом, крохотный, в квартале новой застройки. Квартал прозвали Большим Ящиком, потому что по краям его обступила целая толпа мегамаркетов. Отец выкопал карабин из-под кучи штакетника, тайно перевез в новый дом и снова зарыл – на этот раз под каменными плитами пустого заднего двора.

Потом он потерял и работу продавца окон, потому что слишком часто отпрашивался из-за болезни жены. Пришлось продать солнцезащитный крем. Потом исчезла мебель – один предмет за другим. Много выручить за нее не удалось. Люди чувствуют твоё отчаяние, сказал отец Тоби. И пользуются им.

Этот разговор происходил по телефону – хотя в семье не было денег, Тоби все же пробились в университет. Академия Марты Грэм⁶ предложила ей крохотную стипендию, и еще она подрабатывала официанткой в студенческой столовой. Тоби хотела вернуться домой и помочь ухаживать за матерью, но отец сказал «нет»: она должна оставаться в академии, потому что дома все равно ничем помочь не сможет.

Наконец отцу пришлось выставить на продажу и жалкий домик в Большом Ящике. Тоби приехала на похороны матери и увидела объявление на газоне перед домом. Отец к тому времени превратился в развалину: унижение, боль, неудачи грызли его, и от него уже почти ничего не осталось.

Похороны матери были короткими и ужасными. После похорон Тоби с отцом уселись в ободранной кухне. Они выпили упаковку пива – Тоби две банки, отец четыре. Потом, когда Тоби легла спать, отец пошел в пустой гараж, сунул «рюгер» в рот и нажал на спусковой крючок.

Тоби услышала выстрел. Она сразу поняла, в чем дело. Она видела карабин, стоящий за дверью в кухне; конечно, отец его выкопал не просто так, но Тоби не позволила себе думать о том, зачем ему это могло понадобиться.

⁶ Марта Грэм (1894–1991) – танцовщица и хореограф, создательница американского танца модерн; значительная фигура в истории феминизма.

Она не хотела видеть то, что там, на полу гаража. Она лежала в кровати, пытаясь заглянуть в будущее. Что делать? Если сообщить властям – да хоть доктора вызвать или «Скорую помощь», – они увидят пулевое ранение, потребуют сдать ружье, и Тоби окажется в беде как дочь уличенного преступника, владельца запретного оружия. И это еще в лучшем случае. Могут и в убийстве обвинить.

Через какое-то время – ей казалось, что прошли часы, – она заставила себя встать. В гараже она старалась не очень приглядываться. Она завернула все, что осталось от отца, в одеяло, потом в толстые, особо прочные мешки для мусора, заклеила липкой лентой и похоронила под плитами двора. Она ужасно переживала, что пришлось так сделать, но отец ее понял бы. Он был практичен, но под покровом практичности – сентиментален: мощные электроинструменты в гараже, розы на день рождения. Если бы он был только практичен, он бы явился в больницу с документами на развод, как делали многие мужчины, когда их жены заболевали чем-нибудь, требующим больших расходов, и становились инвалидами. Мать выкинули бы на улицу. Отец избежал бы банкротства. Вместо этого он потратил все деньги, какие были у семьи.

Тоби была не очень верующая; у них в семье никто не верил. Они ходили в местную церковь, потому что так делали все соседи и потому что это полезно для бизнеса, но Тоби слыхала, как отец говорил – в узком кругу, после пары стаканов, – что на амвоне слишком много жуликов, а на скамьях – дураков. Тоби все же прошептала короткую молитву над каменными плитами двора: «Прах еси и в прах обратишься». Потом засыпала песком щели между плитами.

Она снова завернула карабин в пластик и закопала под плитами на заднем дворе соседнего дома, который, кажется, был необитаем: окна темные, машины поблизости не видно. Может быть, его отобрал банк за неплатеж по ипотеке. Тоби рискнула, зашла в чужой двор. Если зарыть карабин рядом с отцом, и если земля вокруг тела осядет, и во дворе начнут копать, то карабин тоже найдут, а Тоби хотела, чтобы он остался на месте. «Заранее не скажешь, когда пригодится», – говаривал отец. И правда, заранее никогда не скажешь.

Может, кто-то из соседей и видел, как она копает в темноте, но, скорее всего, они не расскажут. Не захотят привлечь лишнего внимания к собственным задним дворикам, где тоже, вполне возможно, закопано оружие.

Тоби полила из шланга пол гаража, смывая кровь, потом приняла душ. Потом легла спать. Она лежала в темноте, и ей хотелось плакать, но слезы не шли, и она ничего не ощущала, кроме холода. Хотя на самом деле было вовсе не холодно.

Она не могла продать дом, ведь тогда вскрылось бы, что дом теперь ее, а отец умер. Это значило бы навлечь вагон проблем на свою голову. Во-первых, где труп? Во-вторых, как он, собственно, стал трупом? Поэтому утром, после скудного завтрака, она сложила посуду в раковину и вышла из дому. Даже чемодана не взяла. Что она туда положила бы?

Скорее всего, ККБ не станет утруждать себя поисками. Смысла нет: дом все равно отойдет одному из банков корпорации. А если исчезновением Тоби кто-нибудь заинтересуется – например, академия: где она, не больна ли, не попала ли в аварию, – ККБ распушит слух, что ее в последний раз видели в обществе известного сутенера, набирающего свежее мясо. Этого логично было ожидать: молодая девушка в отчаянном положении, без каких-либо связей, без гроша, ни тебе наследства, ни счета в банке. Люди покачают головой – жаль, но что поделаешь, и по крайней мере, у нее есть что-то на продажу – собственное юное и свежее тело, так что с голоду она не помрет, и никто не обязан чувствовать себя виноватым. ККБ всегда пользовалась слухами вместо действий, если эти действия стоили денег. Корпорация не забывала о финансовой эффективности.

Что же до отца, все решат, что он сменил имя и исчез в каком-нибудь плебсвилле пострашней, чтобы не платить за похороны жены деньгами, которых у него нет. Такое случилось каждый день.

7

После отцовской смерти Тоби пришлось нелегко. Она, конечно, спрятала улики и умудрилась исчезнуть, но все же оставалась вероятность, что ККБ попытается получить с нее долг отца. У Тоби не было денег, но, по слухам, ККБ продавала должниц в секс-рабыни. Тоби решила: если уж придется зарабатывать на жизнь своим телом, нужно хотя бы самой распоряжаться заработанным.

Ее личность, считай, сгорела, а на новую у нее не было денег – даже на самую дешевую, без подмеса ДНК и изменения кожи и волос. Поэтому она не могла устроиться на легальную работу – все они контролировались корпорациями. Но если опуститься достаточно глубоко – туда, где исчезают имена и все биографии оказываются враньем, – ККБ не станет озадачиваться поисками.

У Тоби было отложено немного денег со времени работы официанткой, и она сняла крохотную комнатку. Собственная комната означает, что твои скудные пожитки не украдет какой-нибудь жуликоватый сосед. Комната была на верхнем этаже офисного здания – настоящая ловушка в случае пожара – в одном из худших плебсвиллей. Он назывался Ивовая Поляна, но местные жители прозвали его Отстойник, потому что там скапливалось всякое дерьмо. Ванная и туалет у Тоби были общие с шестью нелегальными иммигрантками из Таиланда, которые держались тише воды ниже травы. По слухам, ККБ решила, что депортировать нелегальных иммигрантов слишком дорого, и действовала по методу фермера, обнаружившего в стаде больную корову: пристрелить, закопать и сделать вид, что ничего не было.

Этажом ниже располагалась скорняжная мастерская, где шили дорогие шубы из меха вымирающих животных. Называлось оно «Смушка». Официально они торговали костюмами для Хеллоуина, чтобы обмануть активистов из общества защиты животных, а в задних комнатах дубили шкуры. Ядовитые пары уходили в вентиляцию; Тоби пыталась затыкать вентиляционное отверстие подушками, но все равно в ее камере воняло химией и тухлым жиром. Иногда внизу кто-нибудь рычал или блеял – животных забивали прямо там же, потому что клиенты не желали получить козу под видом орикса или крашеный волчий мех вместо росوماхи. Они хотели выпендриваться с полными на то основаниями.

Освеженные туши продавали в сеть ресторанов «С кровью». В общем зале ресторана подавали говяжьи бифштексы, баранину, оленину, мясо бизона – с удостоверением от ветеринара, что животное было здорово и мясо можно есть слабо прожаренным, чем якобы и объяснялось название ресторана. Но в частных банкетных залах – допуск только для членов клуба, кого попало не принимают, с вышибалой на входе – можно было попробовать мясо животного вымирающих видов. Ресторан греб деньги лопатой; одна бутылка вина из тигровых костей стоила как горсть бриллиантов.

Строго говоря, торговля мясом вымирающих видов была незаконной – за это полагались высокие штрафы, – но очень выгодной. Люди, живущие по соседству, все знали, но у них были свои заботы, да и кому такое расскажешь, не рискуя? Карманы внутри карманов, и в каждом торчит рука ККБ.

Тоби устроилась меховушкой: дешевый поденный труд, документов не спрашивают. Меховушки надевали костюмы животных: тело из искусственного меха, голова из папьемаше – и ходили с рекламными листовками в торговых центрах подороже и по улицам, где располагались бутики. Но в меховом костюме было жарко и влажно, и обзор ограничен.

За первую неделю на Тоби три раза нападали фетишисты, которые сбивали ее с ног, переворачивали большую голову назад, чтобы Тоби ничего не видела, и начинали тереться тазом о ее мех, издавая странные звуки – Тоби смогла опознать разве что мяуканье. Это не было изнасилованием – ведь они даже не коснулись ее тела, – но было очень неприятно. Кроме того, Тоби было противно одеваться в костюмы медведей, тигров, львов и других вымирающих животных, а потом слушать, как их убивают этажом ниже. Так что она бросила эту работу.

Один раз ей удалось неплохо заработать, продав волосы. Генные инженеры со своими париковцами еще не уничтожили рынок натуральных волос, это случилось лишь несколькими годами позже. Поэтому все еще существовали «охотники за скальпами», готовые купить волосы у кого угодно, без вопросов. Тогда у Тоби были длинные волосы, и, хоть она и была шатенкой – не лучший вариант, блондинкам платили больше, – все же ей удалось выручить неплохую сумму.

Когда деньги, вырученные за волосы, кончились, Тоби стала продавать свои яйцеклетки на черном рынке. Молодые женщины могли заработать большие деньги, продавая яйцеклетки парам, которые либо не могли заплатить нужную взятку, либо действительно настолько никуда не годились, что ни один чиновник не продал бы им лицензию на родительство. Но этот трюк ей удался лишь дважды, потому что во второй раз игла, которой брали яйцеклетку, оказалась грязной. В то время торговцы яйцеклетками еще оплачивали лечение, если что-то шло не так; но все равно Тоби проболела месяц. Когда она попробовала сдать яйцеклетку в третий раз, ей сказали, что у нее были осложнения: теперь она не сможет сдавать яйцеклетки, и, кстати говоря, детей у нее тоже не будет.

До тех пор Тоби и не знала, что хочет детей. В академии Марты Грэм у нее был бойфренд, который время от времени заговаривал о браке и детях – его звали Стэн, – но Тоби всегда отвечала, что они еще слишком молоды и у них нет денег. Она изучала «Холистическое целительство» («Лосьоны и зелья», как называли этот предмет сами студенты), а Стэн – «Проблематику и четверное креативное планирование активов». Он хорошо успевал по этому предмету. Его семья была небогата (иначе он не стал бы учиться в третьесортном заведении типа Марты Грэм), но он был честолобив и твердо намеревался преуспеть в жизни. Если выдавался спокойный вечер, Тоби делала ему массаж с плодами своих учебных опытов – цветочными маслами и настоями трав. За этим следовал раунд стерильно чистого, пахнущего лекарственными травами секса, а потом душ и порция попкорна (без масла и соли).

Но когда у семьи Тоби началась черная полоса, Тоби поняла, что больше не может позволить себе быть со Стэном. Она также знала, что ее студенческие дни сочтены. Поэтому она просто оборвала контакты. Она даже не отвечала на эсэмэски, полные упреков: он хотел создать семью из двух хорошо оплачиваемых специалистов, а Тоби сошла с дистанции. Она сказала себе: лучше отрыдать сразу.

Но похоже, она все-таки хотела детей. Потому что, когда она узнала, что ее случайно стерилизовали, ей показалось, что свет утекает из нее в черную дыру.

После этой новости она просадила все сбережения от продажи яйцеклеток на то, чтобы устроить себе наркотический отпуск от реальности. Но ей скоро надоело просыпаться рядом с незнакомыми мужчинами, особенно когда оказалось, что они имеют привычку прикармливать ее плохо лежащие деньги. После четвертого или пятого раза Тоби поняла, что надо принять решение. Чего она хочет – жить или умереть? Если умереть, это можно устроить и побыстрее. А если жить, то жить надо по-другому.

С помощью одного из своих разовых партнеров – по меркам Отстойника его, пожалуй, можно было назвать доброй душой – она устроилась на работу, контролируруемую плебма-

фией. Там не спрашивали документов и рекомендаций. Все знали: если залезешь в кассу, тебе просто отрежут пальцы.

Теперь Тоби работала в сети предприятий быстрого питания под названием «Секрет-бургер». Секрет этих бургеров заключался в том, что никто не знал, из какого животного их делают. Девушки, стоявшие за прилавком, были одеты в футболки и кепки с надписью: «Секрет-бургер! Секреты любят все!» Платили тут самые гроши, но сотрудникам полагались два бесплатных секрет-бургера в день. Попав к вертоградарям, Тоби дала обет вегетарианства и полностью вытеснила воспоминания о том, что ела секрет-бургеры; но, как говаривал Адам Первый, голод – мощный реорганизатор совести. Мясорубки перемалывали не все: в бургере можно было обнаружить пучок кошачьей шерсти или кусок мышиного хвоста. И уж не ноготь ли попался ей однажды?

Все возможно. Местные плебмафии платили откуп людям из ККБ. В ответ ККБ позволяла плебмафиям потихоньку заниматься похищениями и заказными убийствами, растить шмаль на продажу, держать бордели и подпольные лаборатории по производству крэка, сбывать разные наркотики – в общем, делать все, что положено мафии. Кроме того, они избавлялись от трупов: органы изымали, а выпотрошенные трупы бросали в мясорубки «Секрет-бургера». Во всяком случае, так гласили зловещие слухи. Во времена расцвета «Секрет-бургера» трупы находили на пустырях очень редко.

Если из-за какого-нибудь случая поднимался шум и дело попадало в телевизор (это называлось «реалити-шоу»), ККБ делала вид, что проводит расследование. Потом дело заносили в список нераскрытых и приостанавливали. Им приходилось ломать комедию ради тех граждан, которые еще кричали про старые идеалы: «защитники покоя», «на страже общественной безопасности», «не пустим преступность на улицы». Это уже тогда была комедия. Но большинство людей считали, что ККБ все же лучше полной анархии. Даже Тоби так думала.

Годом раньше «Секрет-бургеры» зарвались. ККБ закрыла их после того, как один из ее собственных боссов отправился погулять по Отстойнику, а потом его ботинки обнаружились на ногах оператора мясорубки одного из «Секрет-бургеров». На какое-то время бродячие кошки вздохнули с облегчением. Но через несколько месяцев знакомые тележки со шкворчащими грилями снова появились на улицах, потому что невозможно отказаться от бизнеса, в котором так мало накладных расходов.

8

Тоби обрадовалась, когда узнала, что ее взяли в «Секрет-бургер»: теперь она сможет платить за комнату и не будет голодать. Но потом она обнаружила, в чем загвоздка.

Загвоздка была в менеджере. Его звали Бланко, но за глаза работницы «Секрет-бургера» называли его Брюхо. Ребекка Эклер, девушка из смены Тоби, сразу предупредила ее.

– Старайся ему не попадаться, – сказала она. – Может, и обойдется – он сейчас занят Дорой, а он, как правило, не занимается несколькими девушками сразу, и к тому же ты худая, а он любит круглые попки. Но если он вызовет тебя в офис, гляди. Он жутко ревнивый. На части порвет.

– А тебя он вызывал? – спросила Тоби. – В офис?

– Восхвали Господа и сплюнь, – ответила Ребекка. – Я слишком черная и грубая, и к тому же он любит котят, а не старых кошек. Может, тебе стоит подбавить морщин. Выбить пару зубов.

– Ты не грубая, – сказала Тоби.

Ребекка была на самом деле довольно изящна, в своем роде – с коричневой кожей, рыжими волосами и египетским носом.

– Я не в том смысле, – ответила Ребекка. – Я к тому, что со мной лучше не связываться. С нами, негреями, если свяжешься, то два раза пожалеешь. Он знает, что я напущу на него «черных сомов», а они крутые ребята. А может, еще исаиан-волкистов заодно. Небось побоятся!

Тоби надеяться было не на кого. Она старалась держаться как можно незаметнее. По словам Ребекки, Бланко раньше был вышибалой в «Чешуйках», самом шикарном ночном клубе Отстойника. Вышибалы имели определенное положение в здешнем обществе: они разгуливали в черных костюмах и темных очках, были стильными, но крутыми, и женщины вешались на них пачками. Но Бланко сам себе все испортил, рассказывала Ребекка. Он порезал одну из тамошних девушек – не «временную», привезенную контрабандой нелегальную иммигрантку, этих резали каждый день, – а одну из звезд, исполнительницу-стриптизершу. Понятное дело, никто не захочет держать на работе человека, который портит товар, себя не контролирует. Вот его и выгнали. Ему повезло, что у него были приятели в ККБ, а то лежать бы ему, за вычетом некоторых частей тела, в приемнике углеводородного сырья для мусорнефти. А так его засунули руководить отделением «Секрет-бургера» в Отстойнике. Это было большое понижение, и он злился – что это он должен страдать из-за какой-то шлюхи? Так что он ненавидел свою работу. Но считал, что работницы – его законная добыча, приложение к должности. У него были два друга, тоже бывшие вышибалы, которые служили при нем телохранителями, и они получали остатки. Если что-нибудь оставалось.

Бланко сохранил фигуру вышибалы – высокий и здоровенный, – но уже начал толстеть: слишком много пива пьет, сказала Ребекка. Он по-прежнему собирал волосы на лысеющей голове в конский хвост – фирменную прическу вышибалы – и щеголял полным набором татуировок: змеи вокруг бицепсов, браслеты из черепов на запястьях, вены и артерии на тыльных сторонах рук, так что казалось, будто с них содрана кожа. Вокруг шеи у него была вытатуирована цепь с медальоном – красным сердечком, уходившим в чашу волос на груди, заметных под расстегнутой рубашкой. Ходили слухи, что эта цепь проходит у него по всей спине, обвиваясь вокруг перевернутой голой женщины, голова которой скрывалась у Бланко в заднице.

Тоби следила за Дорой, которая приходила сменять ее на посту у тележки-гриля. Поначалу Дора была пухленькой и жизнерадостной, но недели шли, и она как-то съеживалась, словно сдувалась; на белой коже рук расцветали и увядали синяки.

– Она хочет убежать, – шепотом, на ухо объясняла Ребекка, – но боится. Может, и тебе лучше сделать ноги. Он на тебя уже поглядывает.

– Со мной все будет о'кей, – сказала Тоби. Но она не чувствовала, что все будет о'кей. Она боялась. Но куда ей было идти? Она жила от зарплаты до зарплаты. У нее не было денег.

На следующее утро Ребекка подозвала Тоби к себе.

– Дора всё, – сказала она. – Хотела сбежать. Я только что услышала. Ее нашли на пустыре – шея сломана, сама порезана в куски. Как будто это какой-то псих.

– Но это на самом деле он? – спросила Тоби.

– Кто же еще! – фыркнула Ребекка. – Он уже хвалился.

В тот же день, в полдень, Бланко вызвал Тоби к себе в офис. Приказ он передал через своих шестерок. Они пошли справа и слева от нее, на случай если ей что-нибудь придет в голову. Пока они шли по улице, все смотрели на них. Тоби шла будто на казнь. Почему она не сбежала, пока могла?

В офис вела грязная дверь, спрятанная за контейнером сырья для мусорнефти. Офис оказался комнатухой, где стоял стол, шкаф для бумаг и потертый кожаный диван. Бланко, ухмыляясь, встал с вертящегося кресла.

– Я тебя повышаю по службе, сучка ты тощая, – сказал он. – А ну скажи «спасибо».

Тоби выдавила из себя только шепот. Ей казалось, что ее душат.

– Видишь сердце? – спросил Бланко, указав на свою татуировку. – Это значит, что я тебя люблю. И ты меня теперь тоже любишь. Ясно?

Тоби заставила себя кивнуть.

– Умничка, – сказал Бланко. – Поди сюда. Сними с меня рубашку.

Татуировка у него на спине была точно как описывала Ребекка: голая женщина, закованная в цепи, головы не видно. Длинные волосы женщины волнами поднимались вверх, похожие на языки пламени.

Освеженными руками Бланко обхватил шею Тоби.

– Хоть раз пойдешь поперек – я тебя сломаю, как щепку, – сказал он.

9

С тех пор как родители Тоби скончались таким прискорбным образом, с тех пор как она сама ушла в подполье, она старалась не думать о своей прошлой жизни. Она покрыла ее льдом, заморозила. Но сейчас она отчаянно тосковала по прошлому – даже по тяжелым временам, даже по горю, – потому что ее нынешняя жизнь была пыткой. Тоби пыталась представить себе далеких, давно не существующих родителей – как они витают над ней, словно два духа-хранителя. Но ничего не видела, только туман.

Она пробыла возлюбленной Бланко меньше двух недель, но ей казалось, что прошли долгие годы. Бланко считал, что баба с такой тощей жопой, как у нее, должна уже считать за счастье, если нашелся мужик, готовый ей засунуть. Еще она должна быть счастлива, что он не продал ее в «Чешуйки» как временную работницу (там это означало «временно находящуюся в живых»). Да, пускай благодарит свою счастливую звезду. А еще лучше – пускай благодарит его, Бланко. Он требовал, чтобы она говорила ему «спасибо» после каждого унижительного акта. Правда, Бланко не стремился сделать ей хорошо: хотел только, чтобы она ощущала свое подчинение.

От работы в «Секрет-бургере» он ее тоже не освобождал. Он требовал, чтобы она обслуживала его во время своего обеденного перерыва – в течение всего получаса, а это означало, что она оставалась без обеда.

День ото дня она становилась все голоднее и все больше падала духом. Теперь у нее был свой набор синяков, как когда-то у бедняжки Доры. Тоби все сильнее отчаивалась: ясно было, к чему идет дело, и ее будущее больше всего напоминало темный туннель. Скоро Бланко использует ее всю, и ничего не останется.

Кроме того, исчезла Ребекка, и никто не знал куда. Если верить уличным слухам, ушла в какую-то секту. Бланко на это плевал, поскольку Ребекка не входила в его гарем. Ее место в «Секрет-бургере» скоро занял кто-то другой.

Тоби работала в утреннюю смену, когда увидела, что по улице приближается странная процессия. Судя по плакатам, которые они несли, и гимнам, которые пели, это было какое-то религиозное движение, хотя раньше она ничего похожего не встречала.

В Отстойнике было множество культов и сект, и все они старались уловить страдающие души. Явленные плоды, петробаптисты и другие религии для богатых сюда не совались, но время от времени по улицам шаркали кучки стариков в фуражках – оркестры Армии спасения, одышливо сипя под тяжестью барабанов и валторн. Иногда мимо, крутясь, про-

носились увенчанные тюрбанами суфии из Братства чистого сердца, или одетые в черное поклонники Древнего, или стайки харе-кришн в оранжевых рубашках – они бренчали и распевали гимны, навлекая на себя насмешки толпы и град гнилых овощей. Исаиане-львисты и исаиане-волкисты одинаково проповедовали на перекрестках и воевали между собой: они не могли договориться, кто возляжет рядом с ягненком – лев или волк, когда настанет Тысячелетнее Царство. Когда они сцеплялись между собой, банды плебратвы – смуглые «текс-мексы», бледнокожие «белоглазые», азиаты-«косые», «черные сомы» – налетали на упавших и обшаривали их в поисках чего-нибудь ценного или хоть чего-нибудь вообще.

Процессия приблизилась, и Тоби стало лучше видно. Предводитель был бородат и одет во что-то вроде кафтана, сшитого, судя по его виду, обкуренными эльфами. За ним шли дети – разного роста и возраста, все в темной одежде, – неся плакаты и лозунги: «Вертоградари – за райский сад!» «Не ешьте смерть!» «Животные – это мы!» Они походили на ангелов-оборванцев или на карликов-бомжей. Это их песни Тоби услышала издалека. Сейчас они скандировали: «Мясу – нет! Мясу – нет! Мясу – нет!» Тоби слыхала об этом культе: про них рассказывали, что у них есть сад, где-то на крыше. Клочок глины, несколько чахлах бархатцев, полусохший рядок жалкой фасоли, и все это жарится на неумолимом солнце.

Процессия приблизилась к ларьку «Секрет-бургера». Туда уже стягивалась толпа, жаждающая глумления.

– Друзья мои! – воскликнул предводитель, обращаясь к толпе в целом. Долго проповедовать он не будет, подумала Тоби, жители Отстойника этого не потерпят. – Дорогие мои друзья. Меня зовут Адам Первый. Я тоже когда-то был материалистом, атеистом, мясоедом. Подобно вам, я думал, что человек есть мера всех вещей.

– Заткни хлебало, зеленый! – заорал кто-то.

Адам Первый его игнорировал.

– Точнее, дорогие друзья, я считал, что измерение – мера всех вещей! Да, я был ученым. Я изучал эпидемии, я считал зараженных и умирающих животных, и людей тоже, словно они камушки на морском берегу. Я думал, что лишь числа подлинно описывают реальность. Но потом...

– Иди в жопу, придурок!

– Но потом, в один прекрасный день, когда я стоял там же, где вы сейчас, и пожирал... О да, пожирал секрет-бургер, наслаждаясь его туком, я узрел великий Свет. И услышал великий Глас. И он возвестил мне...

– Он возвестил: «Ты козел!»

– Он возвестил: «Пощади своих собратьев-животных! Не ешь тех, кто смотрит на тебя! Не убивай собственную душу!» И тогда...

Тоби ощущала толпу – чувствовала, как та напрягается для броска. Они втопчут этого беднягу идиота в землю, и детишек-вертоградарей вместе с ним.

– Идите отсюда! – сказала она как можно громче.

Адам Первый отвесил ей небольшой вежливый поклон и улыбнулся доброй улыбкой.

– Дитя мое, – сказал он, – знаешь ли ты сама, что продаешь? Уж конечно, ты бы не стала пожирать собственных родственников.

– Стала бы, – ответила Тоби, – если поголодать как следует. Пожалуйста, уйдите!

– Я вижу, дитя мое, что у тебя была тяжелая жизнь, – сказал Адам Первый. – Тебе пришлось ороговеть, покрыться бесчувственной скорлупой. Но эта скорлупа – не твое подлинное «я». Под ней прячется нежное сердце и добрая душа...

Насчет скорлупы он был прав; Тоби и сама знала, что очерствела. Но эта скорлупа была ее броней, без нее Тоби превратилась бы в кашу.

– Этот козел к тебе пристаёт? – спросил Бланко.

Он вырос за спиной у Тоби, как часто делал. Он положил одну руку ей на талию, и Тоби видела эту руку, даже не глядя: вены, артерии. Освежаванное мясо.

– Ничего, – ответила она. – Он безобидный.

Адам Первый, судя по всему, уходить не намеревался. Он продолжал свою речь так, словно все остальные молчали.

– Дитя мое, ты жаждешь нести добро в этот мир...

– Я не ваше дитя, – сказала Тоби. Она слишком болезненно осознавала, что она ничье не дитя. Уже.

– Мы все – дети друг друга, – печально произнес Адам Первый.

– Вали отсюда, пока я тебя в узел не завязал! – рявкнул Бланко.

– Пожалуйста, уходите, или вам причинят вред, – сказала Тоби со всей возможной настойчивостью. Этот человек как будто ничего не боялся. Она понизила голос и зашипела на него: – Вали отсюда! Быстро!

– Это тебе причиняют вред, – ответствовал Адам Первый. – Каждый день, который ты проводишь, торгуя изувеченной плотью Господних творений, наносит тебе все больший вред. Иди к нам, дорогая, – мы твои друзья, у нас для тебя уготовано место.

– А ну, бля, убери руки от моей работницы, маньяк ебаный! – заорал Бланко.

– Я тебя беспокою, дитя мое? – спросил Адам Первый, не обращая на него внимания. – Я точно знаю, что не трогал...

Бланко выскочил из-за тележки и бросился на него, но Адам Первый, похоже, привык к такому: он отступил в сторону, и Бланко по инерции влетел в толпу поющих детей, сбил кое-кого с ног и сам упал. Он не пользовался большой любовью в округе: подросток-«бело-глазый» тут же ударил Бланко пустой бутылкой, и тот упал с кровоточащей раной на голове.

Тоби выбежала из-за тележки-гриля. Ее первым порывом было помочь Бланко, потому что она знала: если этого не сделать, ей потом придется очень плохо. Над Бланко уже трудилась кучка плебратвы из числа «черных сомов», а двое или трое «косых» стягивали с него ботинки. Толпа смыкалась вокруг Бланко, но он уже пытался встать. Где же его телохранители? Что-то их нигде не видно.

Тоби ощутила странный душевный подъем. И пнула Бланко в голову. Даже не думая. Она чувствовала, что ухмыляется, как пес, когда ее нога ударила о его череп: удар был словно по камню, завернутому в полотенце. Тоби мгновенно поняла свою ошибку. Как она могла свалить такого дурака?

– Идем с нами, дитя мое, – сказал Адам Первый, беря ее под локоть. – Так будет лучше. Работу свою ты все равно уже потеряла.

Два дружка-бандита Бланко уже явились и начали отбивать его у плебратвы. У Бланко явно мутилось в голове от ударов, но глаза у него были открыты, и он смотрел на Тоби. Он почувствовал ее удар; хуже того – она унизила его прилюдно. Он потерял лицо. Вот сейчас он встанет и сотрет ее в порошок.

– Сука! – прохрипел он. – Я тебе сиськи отрежу!

Тут Тоби окружила толпа детей. Двое схватили ее за руки, а остальные образовали что-то вроде почетного эскорта – впереди и позади.

– Скорее, скорее, – говорили они, таща и подталкивая ее.

За спиной взревели:

– Сука! Вернись!

– Сюда, быстро, – сказал самый высокий мальчик.

Адам Первый пристроился в арьергарде, и они затрусили по улицам Отстойника. Это выглядело как парад: люди открыто пялились на них. К панике добавилось ощущение полной нереальности, и у Тоби слегка закружилась голова.

Толпы постепенно редели, запахи теряли свою едкость; на этих улицах меньше витрин было заколочено.

– Быстрее! – сказал Адам Первый.

Они пробежали по каким-то задворкам, несколько раз завернули за угол, и крики постепенно утихли.

Они подошли к краснокирпичному фабричному зданию эпохи раннего модерна. На фасаде висела вывеска: «ПАТИНКО», а под ней другая, поменьше: «Массажный кабинет «Звездная пыль», 2-й этаж, массаж на все вкусы, пластика носа за дополнительную плату». Дети подбежали к пожарной лестнице на боковой стене здания и принялись карабкаться вверх. Тоби последовала за ними. Она запыхалась, но дети летели по лестнице как обезьянки. Когда они добрались до крыши, все дети по очереди произнесли: «Добро пожаловать в наш сад» – и обняли Тоби, и ее окутал сладко-солоноватый запах немытого детского тела.

Тоби не помнила, когда ее последний раз обнимал ребенок. Для детей это, видимо, была формальность – все равно что обнять двоюродную тетюшку, – но для Тоби это было что-то неопределимое: пушистое, мягкое, интимное. Словно кролики тычутся в тебя носами. Но не простые кролики, а марсианские. Все равно ее это тронуло: к ней прикасаются, безлично, но по-доброму, не в сексуальном ключе. Если вдуматься, как она жила в последнее время – единственный, кто ее трогал, был Бланко, – возможно, необычные ощущения частично объяснялись и этим.

Здесь были и взрослые, они протягивали ей руки в знак приветствия – женщины в темных мешковатых платьях, мужчины в комбинезонах, – и вдруг рядом оказалась Ребекка.

– Ты выбралась, милая! – воскликнула она. – Я же говорила! Я так и знала, что они тебя вытащат!

Сад оказался совсем не таким, как Тоби его себе представляла по слухам. Он вовсе не был полоской глины, усыпанной гниющими очистками, совсем наоборот. Тоби оглядывалась в изумлении: сад был прекрасен, с разнообразными травами и цветами, каких она раньше и не видала. Порхали яркие бабочки; где-то неподалеку дрожали в воздухе пчелы. Каждый листик, каждый лепесток был абсолютно живым и сиял, ощущая ее присутствие. Даже воздух в саду был другой.

Тоби поняла, что плачет – от облегчения и благодарности. Словно большая благосклонная рука протянулась с небес, подняла ее и теперь держала – надежно, в безопасности. Потом Тоби часто слышала в речах Адама Первого: «в душу хлынул Свет Творения Господня», и сейчас, еще не зная, она ощущала именно это.

– Я так рад, что ты приняла это решение, дорогая, – сказал Адам Первый.

Но Тоби не думала, что принимала какое-либо решение. Что-то решило за нее. Несмотря на все, что случилось с ней потом, этот момент она никогда не забывала.

В тот первый вечер они скромно отпраздновали ее прибытие. Они с большой помпой открыли банку чего-то фиолетового – первое знакомство Тоби с черной бузиной – и принесли горшочек меду так, словно это был святой Грааль.

Адам Первый произнес небольшую речь о спасении, в котором участвует рука Провидения. Он упомянул о ветви, выхваченной из костра, и о потерянной овце – про этих Тоби слышала еще раньше, в церкви, – но использовал и другие, незнакомые ей примеры: пересаженную на другое место улитку, грушу-падалицу. Потом все ели что-то вроде оладьев из чечевицы и блюдо под названием «Смесь маринованных грибов Пилар», а под конец – ломти соевого хлеба, намазанные фиолетовым вареньем и медом.

Первоначальный душевный подъем Тоби сменился растерянностью и нехорошим предчувствием. Как она сюда попала – на эту неправдоподобную, чем-то пугающую верхо-

туру? Что она делает среди этих дружелюбных, но странных людей, приверженцев безумной религии и – во всяком случае, сейчас – обладателей фиолетовых зубов?

10

Первые недели среди вертоградарей ее как-то не приободрили. Адам Первый не давал ей поручений – только наблюдал, из чего она заключила, что находится на испытательном сроке. Она старалась вписаться в группу, помогать чем может, но в повседневной работе была безнадёжна. Она не умела шить достаточно мелкими стежками, чтобы Ева Девятая – Нуэла – осталась довольна, а Ребекка отлучила ее от нарезки овощей, после того как она залила кровью пару салатов. «Если б я хотела красный салат, я бы положила туда свеклу», – сказала Ребекка. Бэрт – Адам Тринадцатый, заведовавший огородом, – заявил, что Тоби лучше не работать на прополке, после того как она выдрала какие-то артишоки вместо сорняков. Зато она могла чистить фиолет-биолеты. Это было просто и не требовало особых талантов. Так что этим она и занималась.

Адам Первый был в курсе ее усилий.

– Биолеты – это не так страшно, а? – спросил он однажды. – Ведь мы все вегетарианцы.

Тоби не сразу поняла, что он имел в виду, но потом до нее дошло: не так воняет. Скорее коровий навоз, чем собачье дерьмо.

Тоби не сразу разобралась в иерархии вертоградарей. Адам Первый настаивал, что на духовном уровне все вертоградари равны, но на материальном уровне это было не так: Адамы и Евы занимали более высокое положение, хотя их номера означали не положение в вертикали власти, а область специализации. Тоби подумала, что во многих отношениях здешнее сообщество похоже на монастырь. Монахи, принявшие обеты, и белицы⁷. И белицы, конечно. Правда, обета целомудрия от них никто не требовал.

Тоби считала, что, раз она пользуется гостеприимством вертоградарей, да еще и обманывает их, так как на самом деле не верит в их доктрину, она должна платить им особо упорным трудом. Она добавила к выгребанию фиолет-биолетов другие занятия. Таскала на крышу по пожарной лестнице свежую почву – вертоградари постоянно собирали ее на заброшенных стройплощадках и пустырях. Почву смешивали с компостом и продуктами фиолет-биолетов. Еще Тоби плавила обмылки, разливала по бутылкам уксус и клеила этикетки. Паковала дождевых червей для рынка обмена натуральными продуктами «Древо жизни», мыла пол в спортзале, где стояли тренажеры «Крути-свет», подметала отсеки спален на этаже под крышей, где по ночам спали несемейные вертоградари на тюфяках, набитых сушеными растительными волокнами.

Через несколько месяцев Адам Первый предложил ей употребить на общее благо и другие свои таланты.

– Какие таланты? – спросила Тоби.

– Ты же изучала холистическое целительство, – сказал он. – У Марты Грэм.

– Да, – ответила Тоби.

Не было смысла спрашивать, откуда Адам Первый про нее знает. Он просто знал, и все.

Так что она принялась изготавливать лосьоны и кремы на травах. Резать травы почти не приходилось, а со ступкой и пестиком Тоби управлялась ловко. Вскоре после этого Адам Первый попросил ее поделиться своими знаниями с детьми, и она добавила к своим занятиям преподавание – несколько уроков в день.

⁷ Белец, белица – термин, обозначающий в монастырях как лиц, готовящихся к поступлению в монашество, но еще не принявших обета, так и мирян, не имеющих намерения посвятить себя монашеской жизни, а просто удалившихся от мирских сует на жительство в монастырь.

Она уже привыкла к темным мешковатым одеяниям женщин.

– Тебе нужно отрастить волосы, – сказала Нуэла. – А то с тебя как будто скальп содрали. Мы, женщины-вертоградари, носим длинные волосы.

Тоби спросила почему, и ей дали понять, что таково эстетическое предпочтение Бога. Это слащавое ханжество с повелительным оттенком было немного слишком, особенно когда исходило от женщин секты.

Время от времени Тоби задумывалась о побеге. В основном тогда, когда ее охватывала постыдная жажда мяса.

– Ты никогда не скучаешь по секрет-бургерам? – спросила она у Ребекки.

Ребекка была из прошлой жизни; с ней можно было обсуждать такие вещи.

– Признаться, да, – ответила Ребекка. – Порой бывает. В них что-то такое подмешивают, я уверена. Чтобы подсадить человека на ихний товар.

У вертоградарей кормили вполне сносно – Ребекка делала что могла при небогатых ресурсах, – но очень однообразно. Кроме того, молитвы наводили тоску, а теология оставляла желать лучшего – зачем так придирчиво относиться к деталям повседневной жизни, если все равно род человеческий скоро исчезнет с лица земли? Вертоградари не сомневались, что катастрофа грядет, хотя никаких особенных свидетельств этому Тоби не видела. Может, они гадают по птичьим потрохам.

Конечно, тотальное вымирание рода человеческого было неминуемо, из-за перенаселения и общего падения нравов, но вертоградари считали, что к ним это не относится. Они собирались выплыть на волне Безводного потопа за счет запасов пищи в создаваемых ими тайниках, которые они называли Араратами. Что же до суденышек, в которых они собирались плыть, то каждый из них должен был стать сам себе ковчегом и населить его собственными внутренними животными – во всяком случае, именами этих животных. Так они выживут и вновь наполнят Землю. Ну или что-то в этом роде.

Тоби спрашивала Ребекку, верит ли та по правде во все эти разговоры вертоградарей о глобальной катастрофе, но Ребекка не поддавалась.

– Они хорошие люди, – неизменно говорила она. – Я всегда говорю: что будет, то будет. Так что расслабься.

И давала Тоби медово-соевый пончик.

Хорошие или нет, но Тоби не представляла себе, что задержится надолго среди этих людей, бегущих от реальности. Но просто так взять и уйти она тоже не могла. Это была бы самая откровенная неблагодарность: ведь они спасли ее шкуру. Тоби воображала, как соскальзывает по пожарной лестнице мимо уровня спален, мимо патинок и массажного кабинета и бежит прочь под покровом темноты, а потом голосует на дороге, и какой-нибудь солнцекар подбирает ее и увозит в какой-нибудь другой город, дальше к северу. Самолеты исключались – во-первых, слишком дорого, а во-вторых, пассажиров тщательно досматривает ККБ. А на скоростной поезд она не могла сесть, даже если бы у нее были деньги, – там проверяли удостоверение личности, а у Тоби его не было.

Более того, она не сомневалась, что Бланко все еще ищет ее – там, внизу, на улицах плебсвилля. Он и его дружки-бандиты. Он хвалился, что от него еще ни одна женщина не ушла. Рано или поздно он ее найдет, и она за все расплатится. Тот пинок обойдется ей очень дорого. Чтобы стереть такое оскорбление, нужно не меньше чем групповое изнасилование, о котором потом всем расскажут, или ее голова на шесте.

Возможно ли, что Бланко не знает, где она? Нет: банды плебратвы наверняка вызнали это, точно так же как узнавали любые другие слухи, и продали ему. Она не выходила на улицы, но что помешает Бланко явиться за ней, залезть по пожарной лестнице на крышу? Наконец Тоби поделилась своими страхами с Адамом Первым. Он знал про Бланко, знал, на что он способен, – видел его в деле.

– Я не хочу навлекать опасность на вертоградарей, – сформулировала Тоби.

– Дорогая, – ответил Адам Первый, – с нами ты в безопасности. Или практически в безопасности.

Он объяснил, что Бланко принадлежит к плебмафии Отстойника, а вертоградари живут в соседнем плебсвилле, который называется Сточная Яма.

– Разные плебсвилли – разные мафии, – сказал он. – Они не заходят на чужую территорию, разве что война между мафиями начнется. В любом случае мафиями управляет ККБ, а она, согласно разведанным, объявила, что нас трогать не следует.

– Почему это? – спросила Тоби.

– Они не хотят задевать религиозные движения, это плохо для их имиджа, – объяснил Адам Первый. – Корпорации этого не одобряют, учитывая, какой вес имеют среди них петробаптисты и явленные плоды. Они утверждают, что питают уважение к Духу и проявляют терпимость к чужим религиозным убеждениям, если только носители этих убеждений ничего не взрывают: они не любят, когда уничтожается частная собственность.

– Но не могут же они любить нас, – сказала Тоби.

– Конечно, нет, – ответил Адам Первый. – Мы для них сумасшедшие фанатики, повернутые на безумной диете, с полным отсутствием вкуса в одежде и пуританским отношением к приобретению вещей. Но у нас нет ничего такого, что им хотелось бы заполучить, так что мы не считаемся экстремистами. Спи спокойно, дорогая. Тебя охраняют ангелы.

Интересные ангелы, подумала Тоби. Далеко не все они – ангелы света. Но она действительно стала спать спокойнее на матрасе, набитом шуршащей мякиной.

Праздник Адама и всех Приматов

*Праздник Адама и всех Приматов
Год десятый*

О МЕТОДАХ БОГА ПРИ СОТВОРЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

Говорит Адам Первый

Дорогие мои собратья-вертоградари на Земле, которая есть Вертоград Господень!

Как радостно видеть вас всех здесь, в прекрасном саду на крыше «Райский утес»! Я наслаждался видом превосходного «Древа жизни», созданного нашими Детьми из пластиковых предметов, восторгнутых ими, – сколь прекрасно это иллюстрирует принцип обращения дурных материалов на доброе дело! – и предвкушаю пир братской любви, на котором мы отведаем брюквы прошлогоднего урожая в Ребеккином восхитительном брюквенном пироге, не говоря уже о смеси маринованных грибов изготовления Пилар, нашей Евы Шестой. Мы также празднуем обретение полноправного учительского статуса нашей Тоби. Своим упорным трудом и преданностью Тоби показала нам, что человек может преодолеть самые ужасные жизненные превратности и внутренние препятствия, стоит ему единожды узреть свет Истины. Тоби, мы тобой очень гордимся.

В этот день, день празднества в честь Адама и всех Приматов, мы вновь утверждаем свое родство с Приматами. Это утверждение навлекает на нас гнев тех, кто самонадеянно упорствует в отрицании эволюции. Но мы также утверждаем и Божественное вмешательство, благодаря коему мы были созданы именно таким образом, и тем самым навлекаем на себя гнев ученых безумцев, рекущих в сердце своем: «Бога нет»⁸. Сии утверждают, что способны доказать Его несуществование, ибо Его нельзя поместить в лабораторную пробирку, нельзя взвесить и измерить. Но Господь – это чистый Дух; как можно утверждать, что невозможность измерить Неизмеримое доказывает Его несуществование? Воистину Господь не является Чем-то; Он не есть Что-либо, иными словами, Он – Ничто, или Нечто, через которое и которым существуют все материальные вещи; ибо, если бы такое Нечто не существовало, бытие было бы так переполнено материальностью, что ни одну вещь нельзя было бы отличить от какой-либо другой. Самое существование отдельных материальных вещей доказывает, что Бог есть Ничто, или Нечто.

Где же были сии ученые безумцы, когда Господь полагал основания Земли, внедряя собственный Дух меж одним бесформенным клочком материи и другим и таким образом создавая формы? Где были сии глупцы, когда ликовали утренние звезды?⁹ Но простим же их в сердце своем, ибо сегодня наша задача – не обличать, но со всем смирением поразмыслить о нашем земном естестве.

Господь мог создать Человека из чистого Слова, но Он поступил иначе. Он мог бы также слепить Человека из праха земного, и в каком-то смысле Он так и сделал, ибо что такое этот «прах», как не атомы и молекулы, строительные кирпичики всех осязаемых предметов? Вдобавок к этому Господь сотворил нас длинным и сложным путем – естественного и полового отбора, и это есть не что иное, как Его хитроумный способ внушить Человеку смирение. Господь сотворил нас «чуть ниже ангелов», но в остальном – и это подтверждают научные данные – мы тесно связаны с нашими братьями-Приматами, и этот факт гордецы

⁸ Пс. 13:1; Пс. 52:2.

⁹ Иов 38:4–7.

мира сего находят для себя неприятным. Наши аппетиты, желания, менее контролируемые эмоции – все это у нас от Приматов! Наше Падение и изгнание из первого Сада было переходом от невинного следования сим похотям и порывам к их осознанию и стыду; и в сем корень нашей печали, беспокойства, сомнений, ярости против Бога.

Это правда, что мы – подобно прочим Животным – получили благословение, завет плодиться, и размножаться, и наполнять Землю. Но какими унижительными, агрессивными, болезненными путями это наполнение порой достигается! Неудивительно, что мы от рождения мучимы виной и стыдом. Почему же Он не сотворил нас чистыми духами, как Он сам? Зачем внедрил нас в недолговечные материальные тела, да еще столь несчастливо сходные с обезьяньими? Таков издревле вопль человечества.

Какой же заповеди мы ослушались? Заповеди жить животной жизнью во всей ее простоте – в ее наготе, так сказать. Но мы жаждали познания добра и зла, и получили это знание, и ныне пожинаем бурю. В своих попытках подняться над самими собой мы пали воистину низко и все продолжаем падать; ибо, как и Творение, падение длится вечно. Наше падение – это падение в жадность; почему мы думаем, что все, что есть на Земле, принадлежит нам, когда на самом деле это мы принадлежим Всему? Мы предали доверие Животных и осквернили свое священное призвание Управителей. Господня заповедь «наполняйте Землю» не означала, что мы должны были до краев переполнить ее собой, стерев с ее лика все остальное. Сколько других видов мы уже уничтожили? Ибо что сделали вы наименьшему из Господних Творений, то сделали и Ему. Задумайтесь об этом, друзья мои, в следующий раз, когда решите раздавить ногой Червя или похулить какого-либо Жука!

Помолимся же о том, чтобы не впасть в заблуждение гордыни, сочтя себя исключительными, сочтя, что у нас единственных среди всего Творения есть Душа; и да не возомним тщеславно, что мы стоим превыше любой другой Жизни и что можем уничтожить ее по своей прихоти, безнаказанно.

Благодарим Тебя, Господь, что сотворил нас такими путями, дабы мы непрестанно помнили не только о том, что мы ниже ангелов, но и о нитях ДНК и РНК, связывающих нас со многими собратьями-созданиями.

Воспоем же.

Мою гордыню укроти

Мою гордыню укроти,
Услышь меня, Всевышний:
Не дай себя мне вознести
Приматов прочих выше.

А мы за множество веков
Твой промысел постигли:
Ты дал нам разум, жизнь, любовь –
Нас выплавил, как в тигле.

Пусть незаметен образ Твой
В Горилле и Мартышке –
Но всем нам место под одной
Твоей небесной крышей.

И, коль Приматов возомним
Мы ниже человека,
Напомни нам в такие дни
Про Австралопитеков.

Избавь нас, Боже, ото зла,
От алчности и гнева –
Мы все как есть – грязь и зола
Под синим Божьим Небом¹⁰.

11

Рен

Год двадцать пятый

Вспоминая ту ночь – первую ночь Безводного потопа, – я не могу припомнить ничего необычного. Часов в семь я проголодалась, достала из холодильника энергобатончик и съела половину. Я всегда всего ела только половину, потому что при моем типе телосложения нельзя расслабляться. Я однажды спросила у Мордиса, не стоит ли мне вставить сисимпланты, но он сказал, что при тусклом свете я сойду за подростка, а на стиль «школьница» большой спрос.

Я несколько раз подтянулась, потом поделала упражнения Кегеля на полу, а потом позвонил Мордис по видеофону, чтобы меня проведать; ему меня не хватало, потому что никто не умеет так обрабатывать толпу, как я. «Рен, они у тебя срут тысячедолларовыми бумажками», – сказал он, и я послала ему воздушный поцелуй.

– Как там попка, в тонусе? – спросил он, и я поднесла видеофон к своей задней части. – Пальчики оближешь, – сказал он.

¹⁰ Из «Книги гимнов вертоградяра». Перевод Д. Никоновой.

Он умел убедить тебя, что ты красавица, даже если до этого ощущала себя полной уродиной.

После этого я переключилась на «Яму со змеями», чтобы посмотреть, что там происходит, и потанцевать под музыку. Странно было смотреть, как все идет по заведенному кругу, но без меня, словно меня и не было никогда. Алый Лепесток заводила толпу у шеста, а Савона вместо меня выступала на трапеции. Она выглядела хорошо – сверкающие зеленые изгибы тела, новые серебряные волосы от париковцы. Я думала, не сделать ли себе такие – они лучше париков, никогда не сваливаются, – но некоторые девушки говорили, что от них пахнет овчиной, особенно если попасть под дождь.

Савона двигалась немножко неуклюже. Она не подходит для трапеции – она обычно танцует у шеста, и у нее слишком утяжеленный верх – груди как два накачанных пляжных мяча. Поставь ее на шпильки, дунь в затылок – и она впечатается лицом в пол.

«Зато действует, – говорит она. – Еще как».

Сейчас она стояла на одной руке, разведя ноги на шпагат. Меня она не убедила, но посетители нашего заведения никогда не разбирались в тонкостях: они были в восторге от выступления Савоны, для этого ей достаточно было стонать, а не, скажем, хихикать и не свалиться с трапеции.

Я переключилась с «Ямы со змеями» на другие комнаты, прошлась по всем, но там ничего особенного не происходило. Ни одного фетишиста, сегодня никто не требовал, чтобы его обваляли в перьях, или обмазали овсянкой, или подвесили на бархатных шнурах, или щекотали извивающимися рыбками гуппи. Обычная рутина.

Потом я позвонила Аманде. Мы с ней родные души: в детстве мы обе были бездомными щенками. Это сближает.

Сейчас Аманда торчала в Висконсинской пустыне, монтировала очередную инсталляцию биоарта, какими она занималась с тех пор, как увлеклась, по ее выражению, «выходками от искусства». На этот раз она творила из коровьих костей. Висконсинская пустыня завалена коровьими костями, еще с тех пор, как десять лет назад была большая засуха и оказалось, что коров – тех, которые сами не передохли, – дешевле забить, чем вывозить куда-то. У Аманды было два бульдозера на топливных ячейках и два нанятых текс-мекса – беженца-нелегала. Она стаскивала коровьи кости в кучи, такие большие, что их можно было увидеть только с воздуха: огромные заглавные буквы, из которых складывалось слово. Она собиралась залить все это сиропом для блинчиков, подождать, пока на сироп соберутся насекомые, и снять на видео с воздуха, а потом продавать в галереи. Она любила смотреть, как разные штуки растут, движутся и пропадают.

Аманда всегда умудрялась доставать деньги на свои «выходки от искусства». Она была чем-то вроде знаменитости в тех кругах, где интересовались культурой. Круги были небольшие, но хорошо обеспеченные. На этот раз Аманда уболтала какую-то шишку из ККБ – он дал ей вертолет для съемок.

– Я обменялась с мистером Большая Шишка на вертушку, – так она объявила мне об этом.

Мы никогда не говорили по телефону «ККБ» или «вертолет», потому что у ККБ были роботы, которые подслушивали телефонные разговоры, и эти роботы реагировали на ключевые слова.

Инсталляция в Висконсине была частью серии под названием «Живое слово» – Аманда шутила, что на эту серию ее вдохновили вертоградари, потому что всячески запрещали нам что-либо писать. Аманда начала со слов из одной буквы – «я», «а», «о», потом перешла на двухбуквенные – «ты», потом на слова из трех букв, из четырех, из пяти. Она всякий раз пользовалась другими материалами – рыбы потроха, дохлые птицы, убитые утечкой хими-

ческих отходов, унитаза из снесенных домов, которые Аманда собрала, наполнила растительным маслом и подожгла.

На этот раз она писала слово «капут». Она уже рассказала мне об этом раньше и добавила, что это ее сообщение.

– Кому? – спросила я. – Посетителям галерей? Мистерам Большая Шишка?

– Им самым, – ответила она. – И ихним миссис Большая Шишка тоже.

– Ох, наживешь ты себе неприятностей.

– Ничего, – ответила она. – Они все равно не поймут.

Она сказала, что проект идет хорошо: прошел дождь, пустыня расцвела, куча насекомых, а это пригодится, когда пора будет наливать сироп. Аманда уже закончила букву «к» и наполовину управилась с «а». Но текс-мексиканцы заскучили.

– Значит, нас двое таких, – сказала я. – Я жду не дожусь, когда меня отсюда выпустят.

– Трое, – поправила Аманда. – Двое текс-мексиканцев и ты. Значит, трое.

– А, да. Ты отлично выглядишь – хаки тебе идет.

Она была высокая и напоминала обветренных, поджарых девушек-землепроходцев из кино. Пробковые шлемы и все такое.

– Ты и сама недурно смотришься, – сказала Аманда. – Ладно. Береги себя.

– Ты тоже. Не позволяй этим текс-мексиканцам тебя изнасиловать.

– Они не посмеют. Они думают, что я сумасшедшая. А сумасшедшая может и хозяйство отчекрыжить.

– Я не знала! – Я принялась хохотать. Аманда любила меня смешить.

– Откуда тебе знать? Ты ведь не сумасшедшая. Ты ни разу не видела, как эти штуки извиваются на полу. Спокойной ночи, приятного сна.

– И тебе приятного сна, – сказала я, но она уже повесила трубку.

Я сбилась со святцев – не могу вспомнить, какого святого сегодня день, – но годы могу считать. Я посчитала на стене карандашом для бровей, сколько лет я знаю Аманду. Как в давнишних карикатурах про заключенных – четыре палочки и одна их перечеркивает, вместе пять.

Давно – с тех самых пор, как она пришла к вертоградарям. Так много народу из моей прошлой жизни было оттуда – Аманда, и Бернис, и Зеб; и Адам Первый, и Шекки, и Кроз, и старая Пилар; и Тоби, конечно. Интересно, что они обо мне думают? О том, чем я теперь зарабатываю. Кое-кто из них был бы разочарован. Например, Адам Первый. Бернис сказала бы, что я впала в грех и что так мне и надо. Люцерна сказала бы, что я шлюха, а я бы ответила, что рыбак рыбака видит издалека. Пилар посмотрела бы на меня долгим и мудрым взглядом. Шекки и Кроз просто заржали бы. Тоби страшно разозлилась бы, что такое заведение, как «Чешуйки», существует на свете. А Зеб? Он, наверное, попытался бы меня спасти, потому что это достойная задача.

Аманда уже знает. Она меня не судит. Она говорит, что человеку приходится обмениваться на то, что у него есть. И не всегда получается выбирать.

12

Когда Люцерна и Зеб забрали меня из Греховного мира к вертоградарям, поначалу мне там совершенно не понравилось. Вертоградари часто улыбались, но меня это пугало: слишком уж много они говорили о неотвратимом конце, о врагах, о Боге. И еще они все время говорили о смерти. Вертоградари строго следовали доктрине сохранения жизни, но при этом утверждали, что смерть – это естественно, а одно с другим как-то не вяжется, если хорошенько подумать. Вертоградари считали, что превратиться в компост – это пре-

красно. Не всякого радует перспектива достаться грифам на обед, но вертоградари ничего не имели против. А от их разговоров про Безводный потоп, который должен уничтожить всех людей на Земле, у меня начались кошмарные сны. Но настоящих детей вертоградарей эти разговоры не пугали. Дети вертоградарей привыкли. Они даже шутили на эти темы, во всяком случае старшие мальчики – Шекки, Кроз и их дружки.

– Мы все умре-о-о-о-ом! – завывали они, сделав лица как у мертвецов. – Эй, Рен! Хочешь внести свой вклад в круговорот жизни? Ложись вон в тот мусорник, будешь компостом.

Или:

– Эй, Рен! Хочешь быть опарышем? Полижи мой порез!

– Заткнись, – обычно отвечала им Бернис. – А то сам ляжешь в этот мусорник, потому что я тебя туда пихну!

Бернис была вредная и умела за себя постоять, и от нее обычно отвязывались. Даже мальчишки. Но тогда я оставалась у нее в долгу, и мне приходилось расплачиваться – делать, что она говорит.

Правда, Шекки и Кроз меня дразнили, когда Бернис не было поблизости и она не могла за меня заступиться. Они давили слизней и жрали жуков. Нарочно старались, чтобы всех затошнило. Они были бедокурами – так звала их Тоби. Я слышала, как она говорит Ребекке: «Вот идут бедокуры».

Шекки был самый старший – длинный и тощий, и на внутренней стороне предплечья у него была татуировка – паук, он наколол ее сам иголкой и втер сажу от свечи. Кроз был приземистый, круглоголовый, у него сбоку не хватало одного зуба, якобы выбитого в уличной драке. У них был еще младший брат по имени Оутс. Родителей у них не было – раньше были, но отец отправился с Зебом на какую-то особую Адамову вылазку и не вернулся, а мать ушла чуть позже, пообещав Адаму Первому забрать детей, когда устроится. Но так и не забрала.

Школа вертоградарей была в другом доме, не там, где сад на крыше. Этот дом назывался «Велнесс-клиника», по тому, что там было раньше. В комнатах еще остались коробки с марлевыми бинтами, которые вертоградари восторгали для всякого рукоделия. Там пахло укусом: в тот же коридор, напротив классных комнат, выходила дверь комнаты, где вертоградари делали укус. Скамейки в «Велнесс-клинике» были жесткие. Мы сидели рядами. Мы писали на грифельных досках, которые полагалось вытирать в конце каждого дня, потому что вертоградари говорили: нельзя оставлять слова где попало, их могут найти враги. И вообще бумага была греховным материалом, потому что делалась из плоти деревьев.

Мы часто зубрили стишки наизусть, а потом скандировали хором. Например, историю вертоградарей:

Первый Год – Сад грядет,
Год Второй – наш Сад живой,
Год Третий пошел – Пилар завела пчел, Четвертый Год – Бэрт
с нами живет,
Год Пятый – Тоби у толпы отнята,
Год Шестой – Катуро прислан судьбой,
Год Седьмой – Зеб обрел Рай земной.

На седьмом году должны были бы упомянуть и меня, и мою маму Люцерну, и вообще тут было совсем не похоже на рай, но вертоградари любили, чтобы речевки были в рифму.

Год Восьмой – Нуэла, Господь – с тобой,
Девятый Год – Фило в астрал уйдет.

Мне хотелось бы, чтобы следующий год звучал как-нибудь так: «Десятый год – пусть Рен повезет» или «Десять лет – Рен, привет!» – но я знала, что этого не будет.

Мы зубрили наизусть и другие вещи, потруднее. Хуже всего была математика и естественные науки. Еще нам нужно было знать наизусть все святцы, а на каждый день приходился хотя бы один святой, иногда больше, или праздник, то есть в общей сложности больше четырехсот. И еще мы должны были знать, что сделал этот святой, чтобы стать святым. С некоторыми было просто. Святой Йосси Лешем от Сов¹¹ – ответ очевиден. И святая Диана Фосси, потому что у нее такая грустная история, и святой Шеклтон, потому что он был отважный землепроходец. Но попадались и посложнее. Ну как можно запомнить святого Башира Алуза, или святого Крика, или День подокарповых? Я вечно путалась с Днем подокарповых, потому что – ну что такое подокарп? Это ископаемое дерево, а называется почти как рыба.

Наши учителя: Нуэла вела младшие классы, и хор «Бутоны и почки», и предмет «Вторичная переработка ткани», Ребекка учила нас «Кулинарному искусству», то есть готовить, Сурья – шитью, Муги – счету в уме, Пилар преподавала «Пчел и грибоведение», Тоби – «Холистическое целительство» и «Лечение травами», Бэрт – «Ботанику дикорастущих и садовых растений», Фило – «Медитацию», Зеб – «Отношения хищника и жертвы» и «Камуфляж в природе». Были и другие занятия: тем, кому исполнялось тринадцать, полагались еще уроки Катуру по «Неотложной помощи» и Марушки-повитухи по «Репродуктивной системе человека». Пока что из этой оперы мы проходили только яичники лягушки. Таковы были наши основные предметы.

Дети вертоградарей придумали клички всем учителям. Пилар стала Грибом, Зеб – Безумным Адамом, Стюарт – Шурупом, потому что делал мебель. Муги – Мускулом, Марушка – Слизистой, Ребекка – Солью с перцем, Бэрт – Шишкой (потому что лысый). Тоби – Сухой ведьмой. Ведьма, потому что она вечно варила всякие зелья и разливала их по бутылочкам, а сухая – потому что она была вся тощая и жесткая, и еще чтобы отличать ее от Нуэлы, которую звали Мокрой ведьмой из-за ее вечно влажного рта и трясущейся задницы, да еще потому, что у нее всегда глаза были на мокром месте – ее ничего не стоило довести до слез.

Кроме школьных стишков были еще другие, с ругательными словами, их сочиняли дети вертоградарей. Они тихо скандировали – начинали Шеклтон, Крозье и другие старшие мальчишки, а мы все подхватывали:

Ведьма мокрая пришла,
Ведьма сырость развела.
Заруби ее косой –
Станет ведьма колбасой!

Особенно неприятны были слова про колбасу, потому что для вертоградарей любое упоминание о мясе было непристойностью. «Прекратите!» – говорила Нуэла, но тут же начинала хлюпать носом, и старшие мальчишки показывали друг другу большие пальцы.

Сухую ведьму, Тоби, нам ни разу не удалось довести до слез. Мальчишки говорили, что она стерва – что она и Ребекка две самые большие стервы. Ребекка с виду была милая и добрая, но управлять собой не позволяла никому. Что до Тоби, она была словно из дубленой

¹¹ Сведения о святых, почитаемых вертоградарями, см. в конце книги.

кожи и внутри и снаружи. «Шеклтон, и не думай», – говорила она, даже если в этот момент стояла к нему спиной. Нуэла была слишком добрая, а Тоби умела нас всех построить, и мы доверяли ей больше: легче довериться скале, чем мягкой лепешке.

13

Дом, где я жила с Люцерной и Зебом, стоял кварталах в пяти от сада на крыше. Наш дом назывался «Сыроварня», потому что здесь раньше делали сыр, и легкий сырный запах стоял в доме до сих пор. После сыра тут были квартиры-мастерские для художников, но художников больше не осталось, и, кажется, уже никто не знал, кому принадлежит дом. А пока что им завладели вертоградари. Они любили жить в местах, где не надо платить за жилье.

У нас была большая комната, где занавесками отгородили отсеки – один для меня, один для Люцерны и Зеба, один для фиолет-биолета, один для душа. Занавески, сплетенные из пластиковых пакетов, нарезанных на полосы, и липкой ленты, совершенно не поглощали звук. Это было не очень приятно, особенно в том, что касалось фиолет-биолета. Вертоградари считали, что пищеварение – священо и что в звуках и запахах, сопутствующих выходу конечного продукта, нет ничего смешного или ужасного, но в наших условиях этот самый конечный продукт было очень сложно игнорировать.

Мы ели в большой комнате, на столе, сделанном из двери. Все наши тарелки и кастрюли были найдены на помойке – «восторгнуты», как называли это вертоградари, – кроме нескольких толстостенных кружек и тарелок. Их делали сами вертоградари – до того как решили, что печи для обжига тратят слишком много энергии.

Я спала на тюфяке, набитом мякиной и соломой. Накрывалась лоскутным одеялом, сшитым из кусков старых джинсов и использованных ковриков для ванной. Каждое утро я должна была первым делом застелить постель, потому что вертоградари любили аккуратно застеленные постели – чем именно застеленные, для них было не столь важно. Потом я снимала со вбитого в стену гвоздя одежду и надевала ее. Чистую одежду мне давали раз в семь дней: вертоградари считали, что слишком частая стирка – напрасный перевод мыла и воды. Я вечно ходила в сыром из-за влажности и еще потому, что вертоградари не верили в сушильные машины. «Зря, что ли, Господь создавал солнце», – говорила Нуэла. Видимо, Господь создал солнце, чтобы сушить нашу одежду.

Люцерна в это время обычно еще лежала в постели – там было ее любимое место. Раньше, когда мы еще жили в охраняемом поселке «Здравайзера» с моим родным отцом, Люцерна и дома-то почти не бывала. А тут она почти не выходила, разве что в сад на крыше или в «Велнесс-клинику» помогать другим женщинам вертоградарей чистить корни лопуха, или шить эти комковатые лоскутные одеяла, или плести занавески из пластиковых пакетов, или еще что-нибудь в этом роде.

Зеб в это время обычно мылся в душе. «Никаких ежедневных душей» – одно из многих правил вертоградарей, которое Зеб нарушал. Вода для мытья поступала по садовому шлангу из бочки для дождевой воды под воздействием силы тяжести, так что энергия на это не тратилась. Так Зеб оправдывал исключение, которое делал для себя. Мойсь в душе, он пел:

Всем плевать,
Всем плевать –
Нам теперь не расхлебать –
Так как всем плевать!

Все его душевые песни были такие, негативные, хотя ревел он их жизнерадостным басом, как русский медведь.

Я относилась к нему по-разному. Он мог внушать страх, но в то же время мне было приятно, что я из семьи такого важного человека. Зеб был Адамом – главным Адамом. Это видно было по тому, как другие на него смотрели. Он был большой и плотный, с байкерской бородой и длинными волосами, каштановыми, чуть тронутыми сединой. Лицо выдубленное, брови – словно из колючей проволоки. Казалось, у него должны быть стальной зуб и татуировка, но на самом деле не было. Он был сильный, как вышибала, с таким же угрожающе-добродушным видом – словно мог и шею свернуть кому-нибудь, но по делу, а не для забавы.

Иногда он играл со мной в домино. Вертоградари скупались на игрушки. «Природа – наша игровая площадка», – говорили они. Разрешены были только игрушки, сшитые из лоскутков, или связанные из сэкономленных веревочек, или фигурки с морщинистыми лицами из сушеных райских яблочек. Но домино разрешалось, потому что костяшки для игры вертоградари вырезали сами. Когда я выигрывала, Зеб хохотал и восклицал: «Молодец!» И у меня в душе становилось тепло. Как настурции.

Люцерна вечно твердила, что я должна хорошо себя вести с Зебом, потому что он мне хоть и не родной отец, но все равно что отец, и, если я буду ему грубить, он обидится. Но когда Зеб со мной ласково обходился, ей это не нравилось. Так что я не очень понимала, как поступать.

Пока Зеб пел в душе, я обычно соображала себе что-нибудь на завтрак – сухие соевые гранулы или какую-нибудь овощную котлету, оставшуюся со вчера. По правде сказать, Люцерна готовила ужасно. Потом я уходила в школу. Как правило, все еще голодная. Но я могла рассчитывать на школьный обед. Он обычно был не ахти что, но хоть какая-то еда. Как говорил Адам Первый, голод – лучшая приправа.

Я не помнила, чтобы хоть раз была голодна, когда жила в охраняемом поселке «Здравайзера». Я по правде хотела туда вернуться. Хотела к своему родному отцу, который меня все еще любит; если он узнает, где я, то обязательно придет и заберет меня. Я хотела вернуться в свой настоящий дом, где у меня была своя комната, и кровать с розовым балдахином, и стенной шкаф с кучей разной одежды. Но самое главное – я хотела, чтобы мать стала прежней, как в те дни, когда она брала меня с собой в поход по магазинам, или ездила в клуб играть в гольф, или отправлялась в салон красоты «НоваТы», чтобы ее там как-нибудь улучшили, и по возвращении от нее приятно пахло. Но если я о чем-нибудь из этого напоминала, мать отвечала, что это все осталось в прошлом.

У нее была куча объяснений, почему она сбежала с Зебом к вертоградарям. Она говорила, что их образ жизни лучше всего для человечества, и для всех остальных созданий на Земле – тоже, и что она поступила так из любви – не только к Зебу, но и ко мне, она хотела, чтобы мир исцелился, чтобы сохранилась жизнь на Земле, и разве я не рада, что так получилось?

Сама она как-то не очень радовалась. Она, бывало, сидела у стола, причесывалась и глядела на себя в наше единственное крохотное зеркальце – не то мрачно, не то критически, не то трагически. У нее, как у всех женщин-вертоградарей, были длинные волосы, и расчесать их, заплести и заколоть было целое дело. В иные дни она повторяла эту процедуру по четыре-пять раз.

Во время отлучек Зеба она со мной почти не разговаривала. Или вела себя так, как будто я его спрятала.

– Когда ты его последний раз видела? – спрашивала она. – Он был в школе?

Как будто хотела, чтобы я за ним шпионила. Потом извиняющимся тоном говорила: «Как ты себя чувствуешь?» – словно сделала мне что-то плохое.

Но когда я начинала отвечать, она не слушала. Вместо этого она прислушивалась, не идет ли Зеб. Она беспокоилась все больше и больше, даже начинала сердиться; мерила шагами комнату, выглядывала в окно, говорила сама с собой о том, как он с ней плохо обращается; но когда он наконец появлялся, она его только что не облизывала. Потом принималась допрашивать: где он был, что делал, почему не вернулся раньше? Он только пожимал плечами и говорил:

– Все в порядке, девочка, я уже здесь. Ты зря беспокоишься.

Тут они обычно исчезали за своей занавеской из пластиковых пакетов и изоленты, и мать начинала издавать болезненные, жалкие звуки, от которых мне хотелось умереть. В эти минуты я ненавидела ее за отсутствие гордости и неумение держать себя в руках. Словно она бегала голая по проходу торгового центра. Почему она так боготворит Зеба?

Теперь я знаю, как это бывает. Влюбиться можно в кого угодно: в дурака, в преступника, в ничтожество. Никаких твердых правил нет.

Еще у вертоградарей мне не нравилась одежда. Вертоградари были самых разных цветов, а их одежда – нет. Если Природа прекрасна, как утверждали все Адамы и Евы, если нужно брать пример с лилий – почему мы не можем больше походить на бабочек и меньше – на асфальтированную парковку? Мы такие ровные, унылые, застиранные, темно-серые.

Уличные дети – плебрата – вряд ли были богаты, но их наряды сверкали. Я завидовала всему блестящему, переливающемуся – телефонам с видеокамерами, розовым, фиолетовым, серебряным, сверкающим в руках владельцев, словно волшебные карты фокусника; «ушным конфеткам», которые дети засовывали в уши, чтобы слушать музыку. Мне хотелось этой кричаще-пестрой свободы.

Нам запрещалось дружить с детьми из плебрата, и они, в свою очередь, презирали нас как парий: зажимали носы и вопили или швырялись чем попало. Адамы и Евы говорили, что нас преследуют за веру, но, скорее всего, дело было в нашей одежде: плебрата очень следила за модой и носила лучшее, что могла купить или украсть. Так что мы не могли с ними якшаться, но могли подслушивать. Так мы получали новые знания – подцепляли их, как микробы. Мы глазели на запретную светскую жизнь, словно через железную решетку.

Как-то я нашла на тротуаре прекрасный телефон с фотокамерой. Грязный, без сигнала – но я все равно принесла его домой, и Евы меня поймали.

– Ты что, совсем ничего не понимаешь? – говорили они. – Эта штука ужасно опасная! Она может выжечь человеку мозги! Даже не смотри на нее: если ты ее видишь, это значит, что она видит тебя.

14

Я познакомилась с Амандой в Десятый год, когда и мне было десять; мне всегда было столько лет, какой год шел, легко запомнить.

Был День святого Фарли от Волков – день юных бионеров-изыскателей, когда мы повязывали на шею противные зеленые галстуки и ходили восторгать разные материалы для поделок, которые вертоградари мастерили из вторсырья. Иногда мы собирали обмылки: с плетеными корзинами в руках обходили дорогие отели и рестораны, потому что там выбрасывали мыло кучами. Лучшие гостиницы были в богатых плебсвиллях – в Папоротниковом Холме, Гольф-клубе, и особенно в самом богатом – Месте-под-солнцем. Мы ездили туда автостопом, что строго запрещалось. Типично для вертоградарей: сначала приказывают что-нибудь, а потом запрещают самый удобный способ это сделать.

Лучше всего было мыло с запахом роз. Мы с Бернис брали немножко домой, и я клала свое в наволочку, чтобы заглушить запах плесени от сырого лоскутного одеяла. Остальное

мы отдавали вертоградарям: они варили обмылки в «черных ящиках» – солнечных печах на крыше, пока масса не начинала пузыриться, а потом охлаждали и резали на куски. Вертоградари изводили кучу мыла, потому что были заиклены на микробах, но часть нарезанного мыла откладывали. Потом его заворачивали в листья и перевязывали травяными жгутами, чтобы продавать туристам и зевакам на рынке обмена натуральными продуктами «Древо жизни». Там же вертоградари продавали дождевых червей в мешочках, органическую репу, цукини и разные другие овощи, которые не съедали сами.

Тот день был не мыльный, а уксусный. Мы обходили задворки разных баров, ночных клубов, стрип-клубов, искали у них в мусорных ящиках бутылки с остатками любого вина и выливали его в эмалированные ведерки юных бионеров. Потом тащили в «Велнесс-клинику», где его переливали в огромные бочки, стоящие в уксусной комнате, и делали уксус, который вертоградари использовали в хозяйстве как чистящее средство. Лишний уксус разливался по бутылочкам, тоже восторгнутым нами. На бутылочки клеились этикетки, и этот уксус шел на продажу в «Древе жизни» вместе с мылом.

Работа юных бионеров должна была преподавать нам полезные уроки. Например: ничего нельзя выбрасывать просто так, даже вино из притонов разврата. Таких вещей, как мусор, отходы, грязь, – не существует. Есть только материя, которой неправильно распорядились. И другой, самый главный урок: все, даже дети, должны вносить свой вклад в жизнь общины.

Шекки, Кроз и старшие мальчишки иногда выпивали вино, вместо того чтобы его сдать. Иногда они выпивали слишком много и тогда падали, или блевали, или затевали драки с плебратвой и кидались камнями в пьяниц. Пьяницы в отместку мочились в пустые винные бутылки, надеясь нас обмануть. Я ни разу не выпила мочи: достаточно было понюхать горлышко бутылки. Но были такие, кто отбил у себя нюх курением сигарет и сигар или даже шмали, – они делали глоток, сплевывали и начинали ругаться. А может, они даже нарочно это делали, чтоб была причина для ругани: вертоградари строго запрещали использовать бранные слова.

Немного отойдя от сада, Шекки, Кроз и другие мальчишки снимали галстуки юных бионеров и повязывали их вокруг головы, как «косые». Они тоже хотели быть уличной бандой – даже пароль завели. «Ганг!» – говорили они, а другой человек должен был сказать отзыв: «Рена!» Вместе получалось «гангрена». «Ганг» – потому что они хотели быть гангстерами, а «Рена» – потому что это похоже на «арену», где выступают спортсмены. Пароль был секретный, только для членов банды, но все равно мы все о нем знали. Бернис сказала, что этот пароль им очень подходит, потому что гангрена – это когда человек гниет заживо, а они уже все насквозь прогнили.

– Очень смешно, – ответил Крозье. – Сама такая страшная.

Во время восторгания мы должны были ходить группой, чтобы при необходимости отбиться от банд плебратвы, или от пьяниц, которые могли выхватить ведро и опрокинуть вино себе в глотку, или от похитителей детей, которые могли нас украсть и продать в секс-рабство. Но мы разбивались на пары и тройки, чтоб быстрее обойти всю территорию.

В тот день я сперва пошла вместе с Бернис, но потом мы поругались. Мы все время цапались, и я воспринимала это как доказательство дружбы, потому что потом мы всегда мирились, как бы сильно ни поссорились. Какая-то связь была между нами: не жесткая, как кость, а скользкая, как хрящ. Скорее всего, нам обеим было не по себе среди детей вертоградарей и каждая боялась остаться без союзницы.

На этот раз мы поссорились из-за бисерного кошелечка для мелочи, с вышитой на нем морской звездой. Мы нашли его в мусорной куче. Такие находки мы ценили и всегда смотрели, не попадется ли что-нибудь. Жители плебсвилля выбрасывали уйму всего, потому что,

по словам Адамов и Ев, не могли ни на чем подолгу сосредоточиться и у них не было никаких моральных принципов.

– Я первая его увидела, – сказала я.

– Ты и в прошлый раз первая увидела, – ответила Бернис.

– Ну и что? Все равно я первая увидела!

– Твоя мать – шалава, – сказала Бернис. Это было нечестно, потому что я и сама так думала.

– А твоя – овощ! – сказала я. Как ни странно, слово «овощ» было у вертоградарей оскорбительным. – Ивона – вообще овощ!

– А от тебя воняет мясом! – Бернис держала кошелек в руке и не собиралась с ним расставаться.

– Ну и хорошо! – Я повернулась и пошла прочь. Я не торопилась, но и не оглядывалась, и Бернис за мной не побежала.

Это все случилось в торговом центре «Яблонево сад». Таково было официальное название нашего плебсвилля, хотя все называли его Сточной Ямой, потому что люди исчезали в нем без следа. Мы, дети вертоградарей, заходили в торговый центр, когда могли, – просто поглазеть.

Как и все остальное в нашем плебсвилле, торговый центр сильно потерял вид за последние годы. Тут был сломанный фонтан с чашей, заполненной банками из-под пива, и встроенные в стены цветочные горшки с кучами окурков, бутылок из-под «зиззи-фрут» и использованных презервативов, которые, по словам Нуэлы, были покрыты «гниющими микробами». Еще в торговом центре стояла будка голограммера, которая когда-то проецировала световые силуэты Солнца и Луны, и редких животных, и тех, кто опускал в автомат деньги. Но будку разгромили, и теперь она стояла словно ослепшая. Иногда мы заходили внутрь, задерживали изодранный звездчатый занавес и читали сообщения, нацарапанные на стенах плебратвой. «Моника дает», «Дарф тоже дает токо лучше», «\$есть?», «Для тибя бисплатна!», «Брэд ты пакойник». Дети из плебратвы были ужасно смелые, они писали что угодно и где угодно. Им было все равно, кто это увидит.

Местная плебратва заходила в будку голограммера, чтобы курить травку – в будке ею просто разило – и заниматься сексом: там валялись использованные презервативы, а иногда и трусики. Детям вертоградарей ничего этого не полагалось: галлюциногены были для религиозных целей, а секс – только для тех, кто обменялся зелеными листьями и перепрыгнул через костер. Но дети постарше хвалились, что уже пробовали и то и другое.

Те витрины, которые не были заколочены, принадлежали магазинам из разряда «все за двадцать долларов» под названиями «Дикая страсть», «Мишура», «Кальян» и прочее в том же духе. Там продавались шляпы с перьями, карандаши для рисования на теле, футболки с драконами, черепами и гадкими надписями. И энергобатончики, и жвачка, от которой язык светится в темноте, и пепельницы с двумя красными губками и надписью «Дай пососать», и наклейки-татуировки, о которых Евы говорили, что они прожигают кожу до вен. И разные дорогие штуки по дешевке – Шекки говорил, что они украдены из бутиков Места-под-солнцем.

«Это все дешевый яркий мусор, – говорили Евы. – Если вам так хочется продать душу, хотя бы возьмите подороже!» Но мы с Бернис не обращали внимания. Души нам были ни к чему. Мы заглядывали в витрины, и головы у нас кружились от желания. «Что бы ты купила? – спрашивали мы друг у друга. – Волшебную палочку на светодиодах? Прелесть! Видео «Кровь и розы»? Фу, это для мальчишек! Накладные сисимпланты «Настоящая женщина» с чувствительными сосками? Рен, ты даешь!»

В тот день, расставшись с Бернис, я не знала, что делать. Сначала я хотела вернуться, потому что боялась ходить одна. И тут увидела Аманду. Она стояла на другой стороне пассажира с девочками – текс-мексиканками из плебсвилля. Я помнила эту группу, и Аманды с ними раньше не было.

Девочки были одеты как обычно: в мини-юбки и полосатые топы, вокруг шеи розовые боа словно из сахарной ваты, серебряные перчатки, в волосах заколки – залитые в пластик бабочки. В ушах «конфетки», на руках браслеты с медузами, в руках – сверкающие телефоны. Девочки красовались. Они включили на «конфетках» одну и ту же мелодию и танцевали под нее, крутя попками, выпячивая грудь. Казалось, они владеют всеми товарами из всех здешних магазинов и уже пресытились. Я тоже хотела иметь такой пресыщенный взгляд. Я стояла и молча завидовала.

Аманда тоже танцевала, только у нее получалось лучше. Потом перестала: остановилась чуть поодаль от группы, набирая текст на фиолетовом телефоне. Потом уставилась прямо на меня, улыбнулась и помахала серебряными пальцами. Это означало: «Поди сюда».

Я убедилась, что никто не смотрит. И перешла пассаж.

15

– Хочешь посмотреть мой браслет с медузами? – спросила Аманда, как только я подошла.

Должно быть, я показалась ей жалкой – в сиротских одеждах, с белыми как мел пальцами. Аманда подняла руку: на запястье плавали крохотные медузы, открываясь и закрываясь, как цветы, – само совершенство.

– Где ты его взяла?

Я не знала, что сказать.

– Спёрла, – ответила Аманда.

У девочек плебсвилля это был самый популярный способ добычи вещей.

– А как они там живут?

Она показала на серебряную кнопку на замке браслета.

– Это аэратор, – сказала она. – Он накачивает туда кислород. И еще надо два раза в неделю добавлять еду.

– А если забудешь?

– Тогда они жрут друг друга, – сказала Аманда. Она чуть заметно улыбнулась. – Кое-кто нарочно не добавляет еду. Тогда там начинается как будто война, и скоро остается только одна медуза, а потом она умирает.

– Ужас, – сказала я.

Аманда все так же улыбалась.

– Да. За тем они это и делают.

– Очень красивый браслет, – сказала я нейтральным голосом.

Я хотела сделать Аманде приятное, но не могла понять: «ужас» – это, по ее представлениям, хорошо или плохо?

– Возьми, – сказала Аманда. И протянула мне руку. – Я сопру еще один.

Мне страшно хотелось этот браслет, но я не знала, как достать еду, а значит, все медузы у меня были обречены на смерть.

– Не могу, – сказала я. И отступила на шаг.

– Ты из этих, верно? – спросила Аманда. Она не дразнила меня, просто интересовалась. – Вертячек. Вертожоперов. Говорят, их тут целая куча.

– Нет, – ответила я. – Не из них.

Конечно, она поняла, что я вру. В плебсвилле Сточная Яма было множество плохо одетых людей, но никто из них не одевался так нарочно. Кроме вертоградарей.

Аманда слегка склонила голову набок.

– Странно, – сказала она. – А с виду совсем как они.

– Я только с ними живу, – объяснила я. – Вроде как в гостях. На самом деле я на них совсем не похожа.

– Конечно не похожа, – улыбаясь, согласилась Аманда. И легонько погладила меня по руке. – Пойдем. Я тебе кое-что покажу.

Она привела меня в проулок, на задворки клуба «Хвост-чешуя». Детям вертоградарей сюда ходить не полагалось, но мы все равно ходили, потому что тут можно было набрать вина на укус, если прийти раньше пьяниц.

В проулке было опасно. Евы говорили, что «Хвост-чешуя» – притон разврата. Нам никогда, ни в коем случае нельзя было туда заходить, особенно девочкам. Над дверью была неоновая надпись: «РАЗВЛЕЧЕНИЯ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ», и по ночам эту дверь охраняли двое огромных мужчин в черных костюмах и, даже ночью, в черных очках. Одна старшая девочка у вертоградарей рассказывала, что эти мужчины сказали ей: «Приходи сюда через год и приноси свою сладкую попку». Но Бернис сказала, что эта девчонка просто хвалится.

Справа и слева от входа в клуб на стенах были светящиеся голограммы. Они изображали красивых девушек, покрытых сверкающими зелеными чешуйками – как ящерицы, полностью, кроме волос. Девушка стояла на одной ноге, а другую изогнула вокруг шеи, как крючок. Я подумала, что очень больно так стоять, но девушка на картинке улыбалась.

Интересно, эти чешуйки так растут или их наклеивают? Мы с Бернис об этом спорили. Я сказала, что они наклеенные, а Бернис – что они вырастают, потому что девушкам сделали операцию, все равно как сисимпланты ставят. Я заявила, что только псих может сделать такую операцию. Но в глубине души вроде как поверила.

Однажды среди дня мы увидели, как из клуба выбежала чешуйчатая девушка, а за ней по пятам мужчина в черном костюме. Ее зеленые чешуйки ярко сверкали; она сбросила туфли на высоких каблуках и побежала босиком, лавируя между пешеходами, но наступила на битое стекло и упала. Мужчина догнал ее, подхватил на руки и отнес обратно в клуб. Зеленые чешуйчатые руки девушки безвольно болтались. Из ног шла кровь. Каждый раз, когда я об этом думаю, у меня по спине пробегает холодок, как бывает, когда при тебе кто-то порезал палец.

В конце проулка рядом с клубом «Хвост-чешуя» был небольшой квадратный двор, где стояли контейнеры для мусора – приемник углеводородного сырья для мусорнефти и все остальные. Потом был дощатый забор, а по другую сторону забора – пустырь, где когда-то был дом, но потом сгорел. Теперь на пустыре осталась только жесткая земля с кусками цемента, обугленных досок и битого стекла и сорняки.

Иногда тут околачивалась плебратва; они бросались на нас, когда мы выливали вино к себе в ведерки. Плебратва дразнилась: «Вертячки, вертячки, на жопе болячки!» – вырывали у нас ведерки и убегали с ними или выливали нам на голову. Однажды такое случилось с Бернис, и от нее потом долго разило вином.

Иногда мы приходили сюда с Зебом – на «открытый урок». Зеб говорил, что этот пустырь – самое близкое подобие луга, какое можно найти в нашем плебсвилле. Когда Зеб был с нами, плебратва нас не трогала. Он был как наш собственный ручной тигр: добрый к нам, грозный для всех остальных.

Однажды мы нашли на пустыре мертвую девушку. На ней не было ни волос, ни одежды: только горстка зеленых чешуек еще держалась на теле. «Наклеенные, – подумала я. – Или что-то в этом роде. В общем, они на ней не растут. Значит, я была права».

– Может, она тут загорает, – сказал кто-то из мальчишек постарше, и остальные мальчишки захихикали.

– Не трогайте ее, – сказал Зеб. – Имейте хоть каплю уважения! Сегодня мы проведем урок в саду на крыше.

Когда мы пришли сюда на следующий открытый урок, девушки уже не было.

– Спорим, ее пустили на мусорнефть, – шепнула мне Бернис.

Мусорнефть делали из любого углеводородного мусора – отходов с бойни, перезрелых овощей, ресторанных отходов, даже пластиковых бутылок. Углеводороды отправлялись в котел, а из котла выходили нефть, вода и все металлическое. Официально туда нельзя было класть человеческие тела, но дети шутили на этот счет. Нефть, вода и костюмные пуговицы. Нефть, вода и золотое перо от авторучки.

– Нефть, вода и зеленые чешуйки, – шепнула я в ответ.

Сперва мне показалось, что на пустыре никого и ничего нет. Ни пьяниц, ни плебратвы, ни голых мертвых женщин. Аманда отвела меня в дальний угол, где лежала бетонная плита. У плиты стояла бутылка сиропа – пластиковая, из тех, которые можно выдавить до конца.

– Смотри, – сказала она.

Ее имя было написано сиропом на плите, и куча муравьев пожирала его, вокруг каждой буквы образовалась черная кайма из муравьев. Так я впервые узнала имя Аманды – оно было написано муравьями. Аманда Пейн.

– Скажи, круто? Хочешь написать свое?

– Зачем ты это делаешь? – спросила я.

– Потому что здорово получается, – объяснила она. – Пишешь всякое, а они съедают. Ты появляешься, потом исчезаешь. Так тебя никто не найдет.

Как я поняла, что в этом есть смысл? Не знаю, но как-то поняла.

– Где ты живешь? – спросила я.

– О, там и сям, – небрежно ответила Аманда. Это значило, что на самом деле она нигде не живет: ночует где-нибудь в пустующем доме, а может, и еще чего похуже.

– Раньше я жила в Техасе, – добавила она.

Значит, она беженка. Беженцев из Техаса было много, особенно после того, как там прошли ураганы и засухи. Большинство беженцев были нелегалами. Теперь я понимала, почему Аманде хочется исчезнуть.

– Хочешь, пойдем к нам жить, – сказала я. Я этого не планировала – как-то само получилось.

Тут в дырку забора пролезла Бернис. Она раскаялась, пришла за мной, но теперь я в ней не нуждалась.

– Рен! Что ты делаешь! – завопила она. И затопала к нам по пустырю с типичным для нее деловым видом.

Я поймала себя на мысли, что у Бернис большие ноги, а тело слишком квадратное, и нос чересчур маленький, а шея могла бы быть подлиннее и потоньше. Как у Аманды.

– Это твоя подруга, надо думать, – улыбаясь, сказала Аманда.

Я хотела ответить: «Ничего она мне не подруга», но не отважилась на такое предательство.

Бернис, вся красная, подбежала к нам. Она всегда краснела, когда злилась.

– Пошли, Рен, – сказала она. – Тебе нельзя с ней разговаривать.

Она заметила браслет с медузами, и я поняла, что ей так же сильно хочется этот браслет, как и мне.

– Ты – порождение зла! – сказала она Аманде. – Ты – из плебратвы!

И схватила меня под руку.

– Это Аманда, – сказала я. – Она пойдет к нам и будет жить со мной.

Я думала, что у Бернис случится очередной приступ ярости. Но я смотрела на нее каменным взглядом, словно говоря, что не уступлю. Упорствуя, она рисковала потерять лицо перед незнакомым человеком, так что она лишь молча смерила меня глазами, что-то рассчитывая в уме.

– Ну хорошо, – сказала Бернис. – Она поможет тащить вино для уксуса.

– Аманда умеет воровать, – сказала я Бернис, пока мы тащились обратно в «Веллесс-клинику».

Я сказала это, чтобы задобрить Бернис, но она только хрюкнула.

16

Я знала, что не могу просто так подобрать Аманду, словно уличного котенка: Люцерна прикажет отвести ее обратно, туда, где я ее нашла, потому что Аманда – плебратва, а Люцерна ненавидит плебратву. Она говорила, что все они – испорченные дети, лгуны и воришки, а единожды испорченный ребенок все равно что уличная собака – ее не приучишь, и доверять ей нельзя. Люцерна боялась ходить по улицам из одного здания вертоградарей в другое, потому что плебратва могла налететь, вырвать из рук все что можно и убежать. Люцерна так и не научилась хватать камни, отбиваться и орать. Это из-за ее прежней жизни. Она была тепличным цветком: так Зеб ее называл. Я раньше думала, что это комплимент – из-за слова «цветок».

Так что Аманду отправят восвояси, если я не получу разрешения Адама Первого. Он любил, когда к вертоградарям приходили новые люди, особенно дети, – вечно распространялся о том, как вертоградари должны «формировать юные умы». Если он разрешит Аманде жить с нами, Люцерна уже не посмеет отказать.

Мы трое нашли Адама Первого в «Веллесс-клинике», где он помогал разливать по бутылкам уксус. Я объяснила, что нашла Аманду – «восторгнула» ее – и что она теперь хочет присоединиться к нам, так как узрела Свет, и можно она будет жить у нас дома?

– Это правда, дитя мое? – спросил Адам Первый у Аманды.

Другие вертоградари перестали работать и пялились на ее мини-юбку и серебряные пальцы.

– Да, сэр, – почтительно ответила Аманда.

– Она плохо повлияет на Рен, – сказала, подойдя к нам, Нуэла. – Рен слишком легко поддается влиянию. Нужно поселить ее у Бернис.

– Нет! – сказала я. – Это я ее нашла!

Бернис пронзила меня взглядом. Аманда промолчала.

Адам Первый смотрел на нас. Он многое знал.

– Может быть, пусть решает сама Аманда, – предложил он. – Пусть она познакомится с семьями, где ей предлагают жить. Это решит вопрос. Так будет справедливо, верно ведь?

– Сначала пойдем ко мне, – сказала Бернис.

Бернис жила в кондоминиуме «Буэнависта». Вертоградари не то чтобы владели зданием, потому что собственность – это зло, но каким-то образом его контролировали. Выцветшие золотые буквы над дверью гласили: «Роскошные лофты для современных людей», но я знала, что никакой роскоши тут нет и в помине: в квартире Бернис сток душа был засо-

рен, кафель на кухне потрескался и зиял пустотами, как выбитыми зубами, в дождь капало с потолка, ванная комната была склизкой от плесени.

Мы трое вошли в вестибюль, где сидела вертоградарь-консьержка, женщина среднего возраста, — она распутывала нитки какого-то макраме и нас едва заметила. На этаж Бернис нам пришлось карабкаться по лестнице — шесть пролетов, — потому что вертоградари лифтов не признавали, разве что для стариков и паралитиков. На лестнице валялись запретные объекты — шприцы, использованные презервативы, ложки и огарки свеч. Вертоградари говорили, что в здание по ночам проникают жулики, сутенеры и убийцы из плебсвилля и устраивают на лестнице отвратительные оргии; мы никогда ничего такого не видели, только однажды поймали тут Шекки и Кроза с друзьями — они допивали вино из найденных бутылок.

У Бернис был свой пластиключ; она открыла дверь и впустила нас. В квартире пахло, как пахнет нестираная одежда, если ее оставить под протекающей раковиной, или как хронический насморк других детей, или как пеленки. Через все эти запахи пробивался другой аромат — густой, плодородный, пряный, земляной. Может быть, он проникал по вентиляционным трубам из подвала, где вертоградари выращивали грибы на грядках.

Но казалось, что этот запах — все запахи — исходит от Ивоны, матери Бернис. Ивона сидела на истертом плюшевом диване, словно приросла к нему, и пялилась на стену. На ней, как всегда, было мешковатое платье; колени покрыты старым желтым детским одеяльцем; светлые волосы безжизненно свисали вокруг мучнисто-белого круглого мягкого лица; руки были неплотно сжаты в кулаки, словно кто-то переломал ей все пальцы. На полу красовалась россыпь грязных тарелок. Ивона не готовила: она ела то, что ей давал отец Бернис, или не ела. Но никогда не убирала. Она очень редко что-то говорила; вот и сейчас молчала. Правда, когда мы прошли мимо, у нее в глазах вроде бы что-то мелькнуло, так что, может, она нас и заметила.

— Что с ней такое? — шепотом спросила Аманда.

— Она под паром, — шепнула я в ответ.

— Да? — шепнула Аманда. — А с виду как будто совсем упоротая.

Моя собственная мать говорила, что мать Бернис «в депрессии». Но моя мать не настоящий вертоградарь, как вечно твердила мне Бернис, потому что настоящий вертоградарь никогда не скажет «в депрессии». Вертоградари считали, что люди, ведущие себя как Ивона, — они вроде поля под паром: отдыхают, уходят в себя, накапливая духовный опыт, собирая энергию к моменту, когда взорвутся ростом, как бутоны по весне. Это только снаружи кажется, что они ничего не делают. Некоторые вертоградари могли очень подолгу находиться «под паром».

— А где я буду спать? — спросила Аманда.

Мы осматривали комнату Бернис, когда явился Бэрт Шишка.

— Где моя маленькая девочка? — заорал он.

— Не отвечайте, — сказала Бернис. — Закройте дверь!

Мы слышали, как он ходит в большой комнате; потом он зашел к нам в комнату и схватил Бернис. Он стоял, держа ее под мышки на весу.

— Где моя маленькая девочка? — повторил он, и меня передернуло.

Я и раньше видела, как он это продельывает, и не только с Бернис. Он просто обожал хватать девочек за подмышки. Он мог зажать кого-нибудь из девочек за грядками с фасолью во время переселения улиток и притвориться, что помогает. А потом пустить в ход лапы. Он был такой мерзкий.

Бернис извивалась и корчила злобные гримасы.

— Я не твоя маленькая девочка! — заявила она, что могло означать: «Я не твоя», «Я не маленькая» или «Я не девочка».

Бэрт воспринял это как шутку.

– А где же тогда моя маленькая девочка? – сказал он упавшим голосом.

– Оставь меня в покое! – заорала Бернис.

Мне было жаль ее, и еще я понимала, как мне повезло: Зеб вызывал у меня разные чувства, но мне никогда не приходилось его стыдиться.

– Пойдем теперь к тебе, – сказала Аманда.

Так что мы двое снова спустились по лестнице, а Бернис, еще краснее и злее, чем обычно, осталась дома. Мне было жаль ее, но не настолько, чтобы отдать ей Аманду.

Люцерна не слишком обрадовалась, узнав про Аманду, но я сказала, что это приказ Адама Первого; так что она ничего не могла поделать.

– Она будет спать в твоей комнате, – строго сказала Люцерна.

– Она не против, – ответила я. – Да, Аманда?

– Конечно не против, – сказала Аманда.

Она умела говорить очень вежливо, но получалось так, что это она делает одолжение. Люцерну это задело.

– И ей больше нельзя носить эту ужасную крикливую одежду, – добавила Люцерна.

– Но это совсем новые вещи, – невинно заметила я. – Нельзя же их взять и выбросить! Это будет расточительство.

– Мы их продадим, – сказала Люцерна сквозь зубы. – Деньги нам пригодятся.

– Деньги нужно отдать Аманде, – заметила я. – Ведь это ее вещи.

– Я не возражаю, – тихо, но царственно произнесла Аманда. – Они мне ничего не стоили.

Потом мы пошли ко мне в закуток, сели на кровать и засмеялись, зажимая рот рукой.

Когда Зеб вернулся домой тем вечером, он ничего не сказал. Мы сели ужинать вместе, и Зеб, жуя запеканку из соевых гранул с зеленой фасолью, смотрел, как Аманда с серебряными пальцами, склонив грациозную шею, деликатно клюет свою порцию. Она еще не сняла перчаток. Наконец он сказал:

– А ты, однако, себе на уме!

Голос был дружелюбный – таким он говорил «молодец», когда я выигрывала в домино.

Люцерна, которая в этот момент накладывала ему добавку, застыла, и половник застыл над тарелкой, словно какой-то детектор металла. Аманда взглянула прямо в лицо Зебу, широко распахнув глаза.

– Простите, сэр, что вы сказали?

Зеб расхохотался.

– Да у тебя талант, – сказал он.

17

С тех пор как Аманда поселилась с нами, у меня словно появилась сестра, только еще лучше. Ее одели в одежду вертоградарей, так что она теперь с виду ничем не отличалась от нас и пахнуть скоро начала так же.

В первую неделю я водила ее и все показывала. Отвела ее в укусную, в швейную, в спортзал «Крути-свет». Спортзалом заведовал Муги; мы прозвали его Мускул, потому что у него остался только один мускул. Но Аманда с ним все равно подружилась. Она умудрялась подружиться со всеми, потому что спрашивала у них, как надо делать то или это.

Бэрт Шишка объяснил ей, как переселять слизняков и улиток из сада: их надо было перебрасывать через перила на улицу. Предполагалось, что они уползут прочь и найдут себе

новые дома, но я-то знала, что их тут же давит проезжающий транспорт. Катуро Гаечный Ключ, который чинил водоснабжение и все трубы, показал ей, как работает канализация.

Фило Туман ей почти ничего не сказал, но все время улыбался. Вертоградари постарше говорили, что он перешел границы языка и ныне странствует с Духом, но Аманда сказала, что он просто нарик. Стюарт Шуруп, который делал нашу мебель из вторсырья, не очень любил людей вообще, но Аманда ему понравилась.

– Она хорошо чувствует дерево, – сказал он.

Аманда не любила шить, но притворялась, так что Сурья ее хвалила. Ребекка звала Аманду «миленькой» и говорила, что она умеет ценить вкус еды, а Нуэла восторгалась ее пением в хоре «Бутоны и почки». Даже Сухая ведьма – Тоби – светлела лицом при виде Аманды. Подлизаться к Тоби было труднее всего, но Аманда вдруг заинтересовалась грибами, помогала старой Пилар печатать пчел на этикетках для меда и тем завоевала сердце Тоби, хоть та и старалась этого не показывать.

– Что ты так ко всем подлизываешься? – спросила я у Аманды.

– А иначе ничего не узнаешь, – ответила она.

Мы многое друг другу рассказывали. Я рассказала ей про своего отца, про наш дом в охраняемом поселке «Здравайзера» и как моя мать убежала с Зебом.

– Надо думать, она по нему *мокла*, – сказала Аманда.

Мы шептались об этом в своем закутке, ночью, лежа совсем рядом с Зебом и Люцерной, так что не могли не слышать, как они занимаются сексом. До Аманды я считала, что это позор, но теперь думала, что это смешно, потому что Аманда так думала.

Аманда рассказала мне про засуху в Техасе – как ее родители потеряли свою франшизу «Благочашки» и не могли продать дом, потому что его никто не покупал, и работы не стало, и в итоге они оказались в лагере беженцев, где были старые трейлеры и куча текс-мексов. Потом очередной ураган уничтожил их трейлер, и отца убило летящим куском железа. Куча народу утонула, но Аманда с матерью держались за дерево, и их спасли какие-то люди в лодке. Они были воры, сказала Аманда, искали, что можно спереть, но сказали, что отвезут Аманду с матерью на сухую землю и в лагерь, если те согласны меняться.

– На что меняться? – спросила я.

– Просто меняться, – ответила Аманда.

Лагерь оказался футбольным стадионом, где разбили палатки. Там шла оживленная торговля: люди были готовы на что угодно за двадцать долларов, рассказывала Аманда. Потом мать заболела от плохой воды, а Аманда – нет, потому что менялась на газированную воду в банках и бутылках. И лекарств в лагере тоже не было, так что мать умерла.

– Многие просто срали, пока не сдохнут, – сказала Аманда. – Знала бы ты, как там пахло.

После этого Аманда сбежала из лагеря, потому что все больше народу заболело, и никто не вывозил дерьмо и мусор, и еду тоже не привозили. Аманда сменила имя, потому что не хотела, чтобы ее отправили обратно на стадион: беженцев должны были сдавать внаем на разные работы, без права выбора. «Бесплатных пирожных не бывает», – говорили люди. За все так или иначе приходилось платить.

– А какое имя у тебя было раньше? – спросила я.

– Типичная белая рвань. Барб Джонс, – ответила Аманда. – Так по удостоверению личности. Но теперь у меня нету никакой личности. Так что я невидима.

Ее невидимость – еще одно качество, которое меня восхищало.

Тогда Аманда вместе с тысячами других людей пошла на север.

– Я пыталась голосовать, но меня подвез только один чувак. Сказал, что он разводит кур. Он сразу сунул руку мне между ног; если мужик этак странно дышит – так и знай,

что сейчас полезет. Я придавила ему глазные яблоки большими пальцами и быстро выбралась из машины.

Она так рассказывала, словно в Греховном мире придавить большими пальцами чужие глазные яблоки было в порядке вещей. Я подумала, что хорошо бы этому научиться, но решила, что у меня не хватит духу.

– Потом мне надо было перебраться через стену, – сказала она.

– Какую стену?

– Ты что, новости не смотришь? Они строят стену, чтобы не пускать техасских беженцев. Одного забора из колючей проволоки оказалось недостаточно. Там были люди с пистолетами-распылителями – за стену отвечает ККБ. Но они не могут патрулировать каждый дюйм – дети текс-мексов знают все туннели, и они помогли мне перебраться на другую сторону.

– Тебя могли застрелить, – сказала я. – А что было потом?

– Потом я добралась сюда, отрабатывая всю дорогу. И еду, и барахло. Это дело небыстрое.

Я бы на ее месте просто легла в придорожную канаву и плакала, ожидая смерти. Но Аманда говорит: если человек чего-то по-настоящему хочет, он найдет способ это заполучить. Она говорит, что предаваться отчаянию – напрасная трата времени.

Я боялась, что другие дети вертоградарей невзлюбят Аманду: она ведь из плебратвы, а они наши враги. Бернис, конечно, ее ненавидела, но не смела этого показать, потому что все остальные в Аманде души не чаяли. Ведь никто из детей вертоградарей не умел танцевать, а Аманда прекрасно знала все движения – у нее бедра были как будто на шарнирах. Она учила меня танцевать, когда Люцерны и Зеба не было дома. Под музыку из своего фиолетового телефона – она прятала его в нашем матрасе, а когда карточка кончалась, воровала другую. Еще она прятала смену яркой плебсвилльской одежды и, когда нужно было украсть что-нибудь, переодевалась и шла в торговый центр Сточной Ямы.

Я видела, что Шеклтон, Крозье и все старшие мальчики в нее влюблены. Она была очень хорошенькая – с золотистой кожей, длинной шеей, большими глазами. Правда, мальчишки и хорошенькой девочке могли крикнуть: «Соси морковку!» или «Мясная дырка!» У них в запасе было множество отвратительных дразнилок для девочек.

Но не для Аманды: ее они уважали. Она носила при себе кусок стекла, замотанный с одной стороны изолентой – чтобы держать, и говорила, что он не единожды спас ей жизнь. Она показала нам, как ударить мужика в пах, как подставить ему ножку и потом пнуть под подбородок, чтобы сломать ему шею. Она сказала, что таких приемов, которые можно использовать, если что, – уйма.

Но в дни празднеств и на репетициях хора «Бутоны и почки» она была как будто самой набожной. Можно подумать, что ее в молоке искупали¹².

¹² Песн. 5:12. Видимо, намек на Песн. 5:16: «уста его – сладость, и весь он – любезность».

Праздник Ковчегов

Праздник Ковчегов

Год десятый

О ДВУХ ПОТОПАХ И ДВУХ ЗАВЕТАХ

Говорит Адам Первый

Дорогие друзья и собратья-смертные!

Сегодня наши дети построили маленькие ковчег и запустили их в ручей Дендра-рия, вложив в них свои послания об уважении к Господним тварям. Другие дети, может быть, получают эти послания, найдя ковчег на морском берегу. В мире, который с каждым днем повергается во все более отчаянное положение, этот поступок – проявление истинной любви. Не будем забывать мудрое правило: чтоб избыть беду и муки, не сидите сложа руки!

Сегодня вечером трудами Ребекки нас ждет особый праздничный пир – вкуснейший суп из чечевицы, представляющий потоп, и в нем – клеточки «Ноев ковчег», начиненные овощами, вырезанными в форме разных животных. В одной из клеток – сам Ной, вырезанный из репы, и тот, кто его найдет, получит особый приз, в назидание, что пищу надо вкушать с благоговением, а не пожирать без разбору.

Приз – картина кисти Нуэлы, нашей талантливой Евы Девятой: святой Брендан Мореплаватель с важными продуктами питания, которые нам следует включить в свои кладовые-Апараты для приготовления к Безводному потопу. В своей картине Нуэла уделила должное место консервированным сойдинам и соевым гранулам. Не будем же забывать о регулярном обновлении наших Аратов. Вы ведь не хотите в час нужды открыть банку с сойдинами и обнаружить, что продукт испортился.

Ивона, достойная супруга Бэрта, находится «под паром» и не может сегодня праздновать вместе с нами, но мы ждем, что скоро она снова присоединится к нам.

А теперь обратимся к сегодняшнему празднику – празднеству Ковчегов.

В этот день мы скорбим, но также и радуемся. Мы скорбим о гибели всех обитателей суши, уничтоженных Первым потопом – вымиранием, когда бы оно ни произошло; но мы рады, что Рыбы, и Киты, и Кораллы, и Морские черепахи, и Дельфины, и Морские ежи, и, воистину, Акулы выжили, – мы рады, что их пощадил потоп (хотя и не знаем: возможно, изменение температуры и солености Мирового океана, вызванное большим приливом пресной воды, нанесло вред каким-либо неизвестным нам Видам).

Мы скорбим о гибели, постигшей Животных. Очевидно, Господь намеревался покончить со многими Видами, о чем свидетельствуют палеонтологические находки, но многие другие Виды сохранились до нашего времени, и именно их Господь вновь вверил нашему попечению. Вы сами, создав прекрасную симфонию, разве захотели бы, чтобы она исчезла? Земля и ее стройный хор, Вселенная и ее гармония – это творческая работа Господа, которой творчество Человека является лишь бедной тенью.

Согласно Человеческому Слову Господа, задача спасения этих избранных Видов была поручена Ною, который символизирует избранных знающих среди Человечества. Ной один был предупрежден заранее; он один взял на себя прежнюю задачу Адама – хранить в безопасности возлюбленные Господом Виды, пока воды потопа не схлынут и Ковчег не пристанет к Арату. Затем спасенные Твари были выпущены на Землю, якобы после второго Творения.

При первом Творении все радовались, но при втором Господь уже не был столь доволен. Он знал, что с его последним экспериментом, Человеком, что-то вышло не так,

но исправлять что-либо было уже поздно. «Не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого – зло от юности его; и не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал», – гласит Человеческое Слово Господа в Книге Бытия, глава 8, стих 21.

Да, друзья мои! Все последующие проклятия на Землю будут делом не Божеским, но Человеческим. Вспомните о южных берегах Средиземного моря – когда-то там была плодородная возделанная земля, а теперь – пустыня. Вспомните об опустошениях в бассейне Амазонки; вспомните массовое уничтожение экосистем, из которых каждая – живое отражение бесконечной заботы Господа о деталях... но это темы для другого дня.

Затем Господь говорит замечательную вещь. Он говорит: «да страшатся и да трепещут вас» – то есть Людей – «все звери земные, и все птицы небесные... в ваши руки отданы они». Книга Бытия, глава 9, стих 2. Господь вовсе не говорит Человеку, что у того есть право уничтожать Животных, как толкуют этот стих некоторые. Нет, Он предупреждает своих возлюбленных Тварей: «Берегитесь Человека и его злого сердца».

Затем Бог устанавливает завет с Ноем и его сыновьями и «со всеми животными земными». Завет с Ноем помнят многие, а вот о Завете со всеми другими живыми Существами – забывают. Однако Господь не забывает. Он несколько раз повторяет «всякая плоть» и «всякая душа живая», чтобы мы уж точно все правильно поняли.

Завет, к примеру, с камнем невозможен. Для заключения Завета нужны как минимум две живые, дееспособные стороны. Следовательно, Животные – не неразумная материя, не просто куски мяса. Нет! У них есть живые души, иначе Господь не мог бы заключить с ними Завет. Человеческое Слово Господа подтверждает это еще раз: «спроси у скота, и научит тебя, у птицы небесной, и возвестит тебе;...и скажут тебе рыбы морские»¹³.

Вспомним же сегодня Ноя, избранного заботиться о Видах. Мы, вертоградари, – коллективный Ной; нас также призвали и предупредили. Мы чувствуем симптомы надвигающейся катастрофы, как врач – пульс больного. Мы должны быть готовы к моменту, когда те, кто нарушил завет с Животными – воистину стер их с лица Земли, куда поместил их Господь, – будут сметены Безводным потопом, принесенным на крыльях темных Ангелов Божиих, что летают ночью, а также в аэропланах, вертолетах, скоростных поездах, на грузовиках и с помощью прочих подобных механизмов.

Но мы, вертоградари, будем хранить знания о Видах и о том, как они драгоценны для Господа. Мы должны перевезти это бесценное знание по водам Безводного потопа, словно в Ковчеге.

Друзья мои! Будем же строить наши Арараты бережно. Будем наполнять их предусмотрительно консервированными и сушеными продуктами. Замаскируем их хорошо.

Да избавит нас Господь от сети ловца, от губительной язвы, перьями Своими осенит нас, и под крыльями Его да будем безопасны, как говорится в Псалме 90; не убоимся ни язвы, ходящей во мраке, ни заразы, опустошающей в полдень¹⁴.

Хочу также напомнить вам о том, как важно мыть руки: не менее семи раз в день, а также после любой встречи с незнакомыми людьми. Никогда не рано начать следовать этой важной мере предосторожности.

Избегайте любого, кто чихает.

Воспоем же.

¹³ Иов, 12:7,8.

¹⁴ Пс. 90:4, 6.

О тело, мой земной Ковчег

О тело, мой земной Ковчег,
От разных бед защита,
В нем множество зверей навек
От гибели сокрыто.

В нем разным генам несть числа,
Нейронам, фибрам, клеткам –
О мой Ковчег, тебе хвала
За путь твой многолетний.

Ты – средоточие Веков
И мудрости от Бога,
И в море всяческих грехов
Отыщешь ты Дорогу:

Когда вокруг сгустился Мрак
И Ужас запустенья,
Я верю – скоро Арарат
Увижу, как Спасенье.

Средь милых Тварей жизнь свою
Я проживу в Земном раю
И в божьих Тварях воспою
Хвалу Творцу – за жизнь свою¹⁵.

18

Тоби. День святого Крика

Год двадцать пятый

Убитый хряк все еще лежит на северном лугу. Грифы примеривались к нему, но не справились с толстой шкурой: выклевали только глаза и язык. Они ждут, пока туша разложится и лопнет, вот тогда им будет раздолье.

Тоби обращает бинокль к небу, на кружащихся ворон. Потом оглядывается и видит, что через лужайку идут два львагнца. Самец и самка, с таким видом, словно они тут хозяева. Они останавливаются у трупа и кратко принохиваются. Потом продолжают свой путь.

Тоби смотрит на них как замороженная: она никогда не видела живого львагнца, только на картинках. Может, они мне чудятся? – думает она. Нет, вот они, львагнцы, вполне живые. Возможно, они из зоопарка – их выпустили какие-нибудь фанатики в последние отчаянные дни.

Львагнцы не опасны только с виду, а на самом деле – весьма. Сплэйс львиных и овечьих генов заказали исаиане-львисты в надежде насильно приблизить Тысячелетнее Царство. Они решили, что единственный способ выполнить пророчество о мирном сосущество-

¹⁵ Из «Книги гимнов вертоградяра». Перевод Д. Никоновой.

вании льва и агнца, так, чтобы первый не съел второго, – спать их вместе. Но результат оказался не то чтобы вегетарианцем.

Все же у львагнцев – в кудрявом золотом руне, с курчавыми хвостиками – вполне кроткий вид. Они откусывают головки цветов и не глядят вверх; однако Тоби кажется, что они прекрасно знают о ее присутствии. Затем самец открывает пасть, показывая длинные острые резцы, и издает зов. Странное сочетание блеяния и рева: брёв, думает Тоби.

У нее по спине бегут мурашки. Ей вовсе не хочется, чтобы такой зверь прыгнул на нее из-за куста. Если ее судьба – быть растерзанной и пожранной, пусть это сделает более традиционный хищник. Но все же они потрясающие. Она смотрит, как они резвятся на травке, потом нюхают воздух и медленно удаляются к опушке леса, пропадают в пестрой тени.

Как Пилар была бы счастлива их увидеть, думает Тоби. Пилар, и Ребекка, и малышка Рен. И Адам Первый. И Зеб. Все умерли.

Хватит, говорит она себе. Прекрати немедленно.

Она осторожно, боком спускается по лестнице, опираясь для равновесия на палку от щетки. Она все еще ждет, до сих пор ждет, что двери лифта откроются, заморгают огоньки, задышит система кондиционирования воздуха... и кто-то... кто?... выйдет из лифта.

Она идет по длинному коридору, тихо ступая по мягкому ковру, ворс которого становится все толще и толще. Мимо линии зеркал. В салоне красоты множество зеркал: клиенткам нужно все время напоминать при резком свете, как плохо они выглядят, а потом, при мягком – как хорошо они еще могут выглядеть при небольшой, хотя и недешевой, помощи. Но, побыв тут в одиночестве несколько недель, Тоби завесила зеркала розовыми полотенцами, чтобы не пугаться собственного отражения, перепрыгивающего из одной рамы в другую.

– Кто в домике живет? – вслух говорит она. И думает: «Не я. То, что я тут делаю, вряд ли можно назвать жизнью. Нет, я лежу в спячке, как бактерия в леднике. Тяну время. И это все».

Остаток утра она сидит в каком-то ступоре. Когда-то это была бы медитация, но сейчас – вряд ли. Похоже, что по временам парализующий гнев еще охватывает Тоби; эти приступы непредсказуемы. Начинается с неверия и кончается скорбью, но в промежутке между этими фазами Тоби вся трясется от гнева. Гнева на кого, на что? Почему она спаслась? Из бесчисленных миллионов. Почему не кто-нибудь другой, помоложе, с большим запасом оптимизма и свежих клеток? Тоби должна верить, что в этом есть смысл – она здесь, чтобы свидетельствовать, передать послание, спасти хоть что-то от всеобщей катастрофы. Должна верить, но не может.

Нельзя отводить столько времени на скорбь, говорит она себе. На скорбь и мрачные размышления. Этим ничего не добьешься.

Во время дневной жары Тоби спит. Перенести на ногах полуденную баню все равно не получится, только силы зря потратишь.

Тоби спит на массажном столе в одном из отсеков, где клиенткам салона делали всякие органическо-ботанические обертывания. Простыни розовые, подушки розовые и одеяла тоже розовые – мягкие, ласкающие цвета, как для колыбельки младенца. Хотя одеяла Тоби не нужны, в такую-то погоду.

Просыпаться ей трудно. Надо бороться с апатией. Очень сильное желание – спать. Спать и спать. Спать вечно. Она не может жить лишь в настоящем, как куст. Но прошлое – закрытая дверь, а будущего Тоби не видит. Может, она так и будет тянуть день за днем, год за годом, пока не иссохнет, не сложится сама в себя, не высохнет, как старый паук.

Можно и сократить срок. У нее всегда под рукой маковая настойка в красной бутылочке, смертельные аманитовые грибочки, маленькие Ангелы Смерти. Когда она выпустит их на свободу, в свое тело, чтобы они унесли ее на белоснежных крыльях?

Чтобы взбодриться, она открывает заветную баночку меда. Это последняя банка из партии меда, выкачанной ею так давно – еще вместе с Пилар – на крыше сада «Райский утес». Тоби хранила ее все эти годы, словно амулет. Мед не портится, говорила Пилар, если в него не добавлять воды: поэтому древние звали его пищей бессмертия.

Тоби глотает одну ложку ароматного меда, затем вторую. Его нелегко было собирать: окуривать ульи, осторожно вынимать соты, выкачивать мед. Эта работа требует деликатности и такта. С пчелами надо говорить, уговаривать их да еще на время отравить дымом: а иногда они жалят, но в памяти Тоби все это действие хранится как сплошное, незапятнанное счастье. Тоби знает, что это самообман, но самообман ей желаннее. Ей отчаянно нужно верить, что такое чистое счастье все еще возможно.

19

Постепенно Тоби перестала думать, что должна уйти от вертоградарей. Она не то чтобы уверовала в их учение, но уже не то чтобы и не верила. Одно время года переходило в другое – дожди и грозы, жара и сухость, прохлада и сухость, дожди и тепло, а потом один год сменялся другим. Тоби еще не стала вертоградарем, но и человеком из плебсвилля уже тоже не была. Была ни тем ни другим.

Теперь она осмеливалась выходить на улицу, но старалась не слишком удаляться от сада на крыше, прикрывала лицо и тело, надевала респиратор и широкую шляпу от солнца. Она все еще видела кошмарные сны с участием Бланко – змеи на руках, на спине безголовые женщины, прикованные цепями, освежеванные руки с синими венами тянутся к шее Тоби. «Скажи, что ты меня любишь! А ну скажи, сука!» В самые тяжелые моменты, среди наивысшего ужаса, наивысшей боли она сосредоточивалась на этих руках и представляла себе, как они отлетают у запястий. Сначала кисти, потом другие части тела. Серая кровь бьет фонтаном. Тоби представляла себе, как его заживо засовывают в контейнер для мусорнефти. Это были злобные мысли, и, попав к вертоградарям, Тоби честно старалась выбросить их из головы. Но они все время возвращались. Те, кто спал в отсеках рядом с ней, рассказывали, что иногда по ночам она, по их выражению, подает сигналы бедствия.

Адам Первый знал об этих сигналах. Со временем она поняла, что недооценивать его – большая ошибка. Хотя его борода к этому времени приобрела цвет невинности – белый, как перья птицы, – а голубые глаза были круглы и бесхитростны, как у младенца, хотя он казался таким доверчивым и уязвимым, Тоби знала, что не встретит другого столь же твердо идущего к цели человека. Он не размахивал этой целью как оружием; он парил внутри ее, и она сама его несла. С таким трудно сражаться: все равно что атаковать прилив.

– Он теперь в больболе, милая, – сказал Адам Первый как-то в ясную погоду, в День святого Менделя. – Может быть, его никогда не выпустят. Может быть, он распадется на элементы прямо там.

У Тоби затрепетало сердце.

– Что он сделал?

– Убил женщину, – ответил Адам Первый. – Неудачно выбрал. Женщину из корпорации, она пришла в плебсвилль в поисках острых ощущений. Лучше бы они этого не делали. На этот раз ККБ была вынуждена принять меры.

Тоби слышала про больбол. Туда сажали осужденных преступников – и политических, и других: у них был выбор – погибнуть под дулом пистолета-распылителя или отбыть срок на арене, где играли в больбол. На самом деле это была не арена, а что-то вроде огорожен-

ного леса. Человеку давали запас еды на две недели и больбольшое ружье – оно стреляло краской, как в пейнтболе, но если эта краска попадала в глаза, человек лишался зрения, а если на кожу, то начинала ее разъедать, и человек становился легкой добычей головорезов из команды соперников. Потому что все, кто входил на арену, попадали в одну из двух команд: «Красную» или «Золотую».

Женщины-преступницы редко выбирали больбол. Они предпочитали пистолет-распылитель. Большинство политических – тоже. Они знали, что на больбольной арене у них не будет ни единого шанса, и хотели покончить с этим делом поскорее. Тоби их понимала.

Больбольную арену долго держали в секрете, как петушинные бои и «Испытание на разрыв». Но теперь, как говорили, за игрой можно было следить: в больбольном лесу висели видеокамеры, спрятанные на деревьях и в скалах, но в них часто ничего не было видно – рука, нога, расплывчатая тень, потому что игроки в больбол, естественно, прятались. Но время от времени можно было увидеть и попадание – прямо на экране. Человек, продержавшийся месяц, считался хорошим игроком. Больше месяца – очень хорошим. Некоторые подсаживались на адреналин и не хотели выходить, даже когда их срок кончался. Больболистов со стажем боялись даже сотрудники ККБ.

Некоторые команды вешали свою добычу на дереве, другие уродовали тело. Отрезали голову, вырывали сердце и почки. Это для запугивания другой команды. Иногда съедали кусок – если еда была на исходе или просто чтобы показать свою отморозенность. Тоби думает: через какое-то время человек не то что переходит границу, а забывает, что когда-то были какие-то границы. Он берет все, чего бы это ни стоило.

На миг ей видится Бланко – безголовый, висящий вверх ногами. Что она чувствует? Жалость? Торжество? Она сама не знает.

Она попросилась на всенощное бдение и провела его на коленях, стараясь слиться мыслями с грядкой зеленого горошка. Усики, цветы, листья, стручки. Все такое зеленое, безмятежное. Это почти помогло.

Однажды старуха Пилар, Ева Шестая, – у нее лицо было как грецкий орех – спросила Тоби, не хочет ли та научиться работе с пчелами. Пчелы и грибы – это была специальность Пилар. Пилар нравилась Тоби: она была с виду добрая и очень спокойная. Этому спокойствию Тоби завидовала. Поэтому она согласилась.

– Хорошо, – сказала Пилар. – Пчелам ты всегда можешь рассказать свои беды.

Значит, не только Адам Первый заметил, что у Тоби тяжело на душе.

Пилар сводила Тоби посмотреть на ульи и представила ее пчелам по имени.

– Они должны знать, что ты друг. Они слышат твой запах. Только не делай резких движений, – предупредила она, когда пчелы, словно золотистым мехом, покрыли голую руку Тоби. – В следующий раз они тебя узнают. А, да – если они будут жалить, не прихлопывай их. Только жало смахни. Но они жалят, только если их испугать, потому что, ужалив, они умирают.

У Пилар были нескончаемые запасы поверий о пчелах. Пчела в доме – к незнакомым гостям, а если убить эту пчелу, то гости будут недобрые. Если умер пчеловод, пчелам надо сказать об этом, иначе они отроются и улетят. Медом можно мазать открытые раны. Рой пчел в мае – похолодает. Рой пчел в июне – к новолунию. Рой пчел в июле – не стоит пустого улья. Все пчелы в улье – все равно что одна пчела, поэтому они готовы умереть за улей.

– Как вертоградари, – сказала Пилар. Тоби не поняла, шутит она или говорит серьезно.

Пчелы сперва беспокоились при виде Тоби, но потом приняли ее. Они позволили ей самостоятельно выкачать мед и ужалили только два раза.

– Пчелы ошиблись, – сказала ей Пилар. – Ты должна попросить разрешения у пчелиной матки и объяснить ей, что ты не желаешь зла.

Пилар сказала, что говорить надо громко – пчелы не умеют читать мысли, точно так же, как и люди. Поэтому Тоби говорила с ними, хотя и чувствовала себя полной дурой. Что сказали бы прохожие там, внизу, на тротуаре, если бы увидели, что она беседует с роем пчел?

Если верить Пилар, пчелы во всем мире чахли уже несколько десятилетий. Может, от пестицидов, или от жаркой погоды, или от болезни, а может, от всего сразу. Но пчелы сада на крыше жили и здравствовали. Даже процветали.

– Они знают, что их любят, – сказала Пилар.

Тоби в этом сомневалась. Она во многом сомневалась. Но держала свои сомнения при себе, потому что слово «сомнение» было не очень популярно у вертоградарей.

Через некоторое время Пилар повела Тоби в сырые погреба «Буэнависты» и показала ей плантации грибов. Пчелы и грибы хорошо сочетаются, пояснила Пилар: пчелы в хороших отношениях с невидимым миром, ведь они – вестники мертвых. Она преподнесла этот безумный факт таким тоном, словно все об этом знали, одна Тоби по какой-то причине приотворялась незнающей. Грибы – это розы в саду того, невидимого мира, потому что настоящее растение гриба – под землей. А видимая часть – то, что большинство людей называет грибом, – лишь мимолетный призрак. Облачный цветок.

Тут были грибы для еды, грибы для лекарственных целей и грибы для видений. Последние использовались только для уединенных медитаций и недель в затворе, хотя и они подходили для лечения некоторых болезней и даже для того, чтобы помочь людям пережить время «под паром», когда душа заново удобряет себя. Пилар сказала, что любой человек может побыть «под паром». Но задерживаться в этой стадии очень опасно.

– Это все равно что спуститься по лестнице, – сказала она, – и никогда не подняться вновь. Но грибы помогают с этим справиться.

Пилар объяснила, что грибы делятся на три категории: неядовитые, «использовать осторожно» и «берегись!». Дождевики, любой вид: неядовиты. Псилоцибины: «использовать осторожно». Все аманиты, особенно бледная поганка, «Ангел Смерти»: «берегись!».

– Но ведь они очень опасны? – спросила Тоби.

Пилар кивнула.

– О да. Очень.

– Тогда зачем вы их растите?

– Если Господь создал ядовитые грибы, значит, Он предвидел, что нам иногда нужно будет их использовать, – ответила Пилар.

Пилар всегда была такая деликатная и добрая, что Тоби не поверила своим ушам.

– Неужели вы собираетесь кого-нибудь отравить? Не верю! – воскликнула Тоби.

Пилар посмотрела на нее в упор.

– Заранее никогда не скажешь, милая. Вдруг да и придется.

Теперь Тоби проводила все свободное время с Пилар – они ухаживали за пчелами, за гречихой и лавандой для пчел, посеянными на соседних крышах. Они выкачивали мед и заливали его в банки. На этикетках они ставили штамп с изображением пчелы, которым Пилар пользовалась вместо надписей. Несколько банок отложили для запаса еды в Аратате, созданном Пилар за выдвижным шлакобетонным блоком в подвале «Буэнависты». А еще они ухаживали за посевами маков, копались на грядках грибов в погребе «Буэнависты», варили эликсиры, снадобья, жидкий медово-розовый лосьон для кожи, который продавали на рынке «Древо жизни».

Так проходило время. Тоби перестала его считать. В любом случае время – не такая вещь, которая проходит мимо тебя, говорила Пилар; это море, в котором ты плаваешь.

По ночам Тоби дышала собой. Своим новым «я». Ее кожа пахла медом и солью. И землей.

20

К вертоградарям все время приходили новички. Одни были настоящими новообращенными, а другие не задерживались. Какое-то время жили среди вертоградарей, носили те же мешковатые, скрывающие фигуру одежды, как у всех, выполняли самую тяжелую работу и, если это были женщины, иногда плакали. Потом исчезали. Это были люди из теней, и Адам Первый передвигал их в стране теней, словно шахматные фигуры по доске. Как и саму Тоби когда-то передвинул.

Впрочем, все это были догадки: Тоби скоро поняла, что вертоградари не приветствуют личных вопросов. Вертоградари словно говорили: откуда ты взялся, чем занимался раньше – это никого не интересует. Важно только то, что сейчас. Говори о других то, что ты хотел бы, чтобы они говорили о тебе. Иными словами – ничего.

Но у Тоби все равно осталась куча вопросов. Например: спала ли Нуэла когда-нибудь с кем-нибудь, а если нет, почему она все время кокетничает? Откуда Марушка-повитуха знает свое дело? Чем именно занимался Адам Первый до вертоградарей? Была ли когда-нибудь на свете Ева Первая, или хотя бы миссис Адам Первый, или маленькие Адамы Первые? Если Тоби в разговоре забредала на опасную территорию, ей улыбались, меняли тему разговора и намекали, что она может избежать первородного греха, если не будет вожделеть слишком многих знаний или, может быть, слишком большой власти. Потому что эти две вещи связаны между собой – правда ведь, Тоби, дорогая?

И еще был Зеб. Адам Седьмой. Тоби не верила, что Зеб – настоящий вертоградарь. Он такой же вертоградарь, как она сама. В эпоху «Секрет-бургера» она перевидала кучу мужчин примерно такого же телосложения и волосатости. Тоби готова была поклясться, что он ведет какую-то игру: в нем была особая настороженность. Что делает такой человек в саду на крыше «Райский утес»?

Зеб приходил и уходил; иногда его не было подолгу, и возвращался он, одетый как житель плебсвилля: в искожанный наряд солнцелюба, или комбинезон дворника, или черный костюм вышибалы. Сперва Тоби боялась, что он сообщник Бланко и пришел, чтобы следить за ней, но это оказалось не так. Дети прозвали его Безумный Адам, но с виду он был вполне нормален. Пожалуй, чуточку слишком нормален, чтобы якшаться с кучкой милых, но совершенно тронутых чудаков. А что связывало его с Люцерной? На ней было большими буквами написано, что она – балованная жена из охраняемого поселка; надувает губы, если ей случится сломать ноготь. Очень маловероятный выбор для такого человека, как Зеб. Таких людей пуля боится, говорили в детстве Тоби, когда пули еще были чем-то обычным.

Может быть, конечно, их связывал секс. Мираж плоти, безумие с гормональной подпиткой. Такое со многими бывает. Тоби помнила время, когда и с ней могло такое случиться, подвернись ей правильный мужчина. Но чем дольше она жила у вертоградарей, тем дальше это уходило в прошлое.

Она давно не была ни с кем физически близка и не страдала от этого: во время погружения в Отстойник она хлебнула секса досыта, хотя и такого, какого никто себе не пожелает. Свобода от Бланко дорогого стоила. Тоби повезло: ее могли затрахать до состояния пюре, измолотить в фарш и вывалить на ближайшую помойку.

Впрочем, и за время ее жизни у вертоградарей был один случай, связанный с сексом: старый Муги Мускул набросился на нее, когда она отрабатывала свой час на тренажере в зале «Крути-свет», бывшей общественной гостиной на верхнем этаже кондоминиума «Бульвар».

Муги стащил ее с тренажера на пол, тяжело упал сверху и стал шарить под джинсовой юбкой, пыхтя, как неисправный насос. Но от таскания земли и карабканья по лестницам Тоби окрепла, а Муги был уже не в той форме, что когда-то, и Тоби заехала ему локтем, сбросила с себя и оставила пыхтеть на полу.

Она рассказала об этом Пилар – к тому времени она уже привыкла рассказывать ей все непонятное.

– Что мне делать? – спросила она.

– Мы не поднимаем шума из-за таких вещей, – ответила Пилар. – Муги на самом деле безобидный. Ты не одна такая – он на всех пытается прыгать, даже на меня пробовал, много лет назад.

Она сухо хихикнула.

– Древний австралопитек может проявиться в ком угодно. Прости его от чистого сердца. Он больше не будет, вот увидишь.

Вот и весь секс. Может, это временно, думала Тоби. Может, это как затекшая рука. Нервные окончания, отвечающие за секс, заблокированы. Но почему же меня это не волнует?

Был День святой Марии Сибиллы Мериан от Метаморфозы насекомых – согласно поверью, хороший день для работы с пчелами. Тоби и Пилар качали мед. Обе были в широкополых шляпах с лицевой сеткой; для задымления они использовали мехи и кусок трухлявого дерева.

– Скажи, а твои родители – они еще живы? – спросила Пилар из-за белой вуали.

Такой вопрос в лоб, нехарактерный для вертоградарей, удивил Тоби. Но, наверное, у Пилар были веские причины. Тоби не смогла заговорить об отце и вместо этого рассказала Пилар о таинственной болезни матери. Страннее всего, сказала она, было то, что мать всегда так заботилась о своем здоровье; можно сказать, по весу она уже наполовину состояла из биодобавок.

– Скажи, какие биодобавки она пила? – спросила Пилар.

– Она держала франшизу «Здравайзера», так что их продукт и принимала.

– «Здравайзер», – повторила Пилар. – Да. Мы о таком и раньше слыхали.

– О чем? – переспросила Тоби.

– О такой болезни в связи с этими добавками. Неудивительно, что люди из «Здравайзера» сами вызвались ее лечить.

– Что вы хотите сказать? – спросила Тоби.

Ей стало холодно, хотя утреннее солнце уже палило вовсю.

– Тебе не приходило в голову, что твоя мать была подопытным кроликом?

Раньше Тоби действительно такое не приходило в голову, зато сейчас пришло.

– Я вроде как подозревала, – сказала она. – Не насчет добавок, но... Я думала, это застройщик, который хотел заполучить папину землю. Я решила, что, может быть, они что-то подсыпали в колодец.

– Тогда вы все заболели бы, – ответила Пилар. – А теперь поклянись мне, что никогда не будешь принимать никаких лекарств производства корпораций. Никогда не покупай таких лекарств и никогда не бери их из чужих рук, что бы эти люди ни говорили. Они будут ссылаться на данные, на ученых; они приведут докторов – все вранье, их всех купи.

– Не может быть, чтобы всех! – воскликнула Тоби. Ее поразила ярость Пилар, обычно такой спокойной.

– Нет, – ответила Пилар. – Не всех. Но всех, кто продолжает работать с любой из корпораций. А остальные... кто-то из них скоропостижно умер. Но те, кто еще жив... те, у кого осталась хоть капля врачебной этики...

Она помолчала.

– Такие врачи еще есть. Но они не работают на корпорации.

– Где же они? – спросила Тоби.

– Некоторые – здесь, с нами, – ответила Пилар. И улыбнулась. – Катуро Гаечный Ключ раньше был врачом по внутренним болезням. У нас он занимается водопроводом. Сурья была хирургом-офтальмологом. Стюарт – онкологом. Марушка – гинекологом.

– А другие врачи? Те, которые не здесь?

– Скажем так: они в другом месте, в безопасности, – сказала Пилар. – Пока что. А теперь, милая, обещай мне. Эти лекарства из корпораций – пища мертвых. Не наших мертвых, а других, мерзких и опасных. Мертвых, которые еще живы. Мы должны научить детей избегать таких лекарств: они – чистое зло. Это не догмат веры, мы просто это знаем.

– Но почему же вы в этом так уверены? – спросила Тоби. – Корпорации... никто ведь не знает, чем они занимаются. Они сидят у себя за заборами в охраняемых поселках, и оттуда ничто не выходит наружу...

– Ты не представляешь, – сказала Пилар. – Еще не построен такой корабль, в котором рано или поздно не открылась бы течь. А теперь поклянись.

Тоби поклялась.

– Однажды, когда ты станешь Евой, то поймешь гораздо больше.

– Ой, мне никогда не стать Евой, – легкомысленно ответила Тоби.

Пилар улыбнулась.

В тот же день – чуть позже, когда Пилар и Тоби уже выкачали мед и Пилар благодарила улей и пчелиную матку за помощь, – по пожарной лестнице поднялся Зеб. На нем была черная искожаная куртка, любимая одежда солнцесбайкеров. Солнцесбайкеры делали в куртках прорезы – для вентиляции во время езды, но в куртке Зеба разрезом было слишком много.

– Что случилось? – спросила Тоби. – Чем тебе помочь?

Зеб прижимал корявые короткопалые руки к животу; меж пальцев сочилась кровь. Тоби слегка замутило. В то же время она чуть не сказала: «Не капай на пчел».

– Упал и порезался, – ответил Зеб. – На битое стекло.

Он тяжело дышал.

– Не верю, – сказала Тоби.

– Я так и думал, что ты не поверишь, – ухмыльнулся Зеб. – Вот, – обратился он к Пилар. – Тебе подарочек. Из самого «Секрет-бургера».

Он сунул руку в карман искожаной куртки и вытащил горсть мясного фарша. У Тоби мелькнула жуткая мысль, что это часть самого Зеба, но Пилар улыбнулась.

– Спасибо, милый, – сказала она. – На тебя всегда можно положиться! Тоби, найди Ребекку и попроси ее принести чистых кухонных полотенец. И Катуро. Его тоже попроси.

Вид крови ее словно бы и не взволновал.

«Сколько лет мне нужно прожить, чтобы достичь такого спокойствия?» – спросила себя Тоби. Ей казалось, что это ей вспороли живот.

21

Пилар и Тоби отвели Зеба в лазарет для находящихся «под паром». Это была хижина в северо-западном углу сада на крыше. Вертоградари использовали ее во время бдений, и еще здесь жили те, кто выходил из состояния «под паром», и среднетяжелые больные. Пока Пилар и Тоби помогали Зебу лечь, из сарая в дальнем конце сада вышла Ребекка со стопкой посудных полотенец в руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.